

Войны против времени

Алексей

ПОЛИКОВСКИЙ —

о том, как мы до сих пор
изображаем из себя
великую силу, которая
сама себе дала право
подчинять народы

понеде́льник

среда

пятница

НОВАЯ

газета



СТРАНИЦЫ 4–5

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

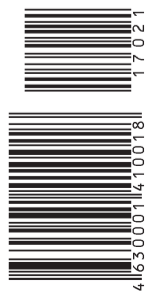
№ 21(2598) 01.03.2017 г.

Игра в оттапелель?

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Суды пересматривают
громкие приговоры,
политзеки выходят
на волю.
Но это пока
не разворот,
а скромная ревизия
репрессивного
наследия
шестой Думы

СТРАНИЦЫ 2–3



Сделайте бюджету одолжение!



Арнольд
ХАЧАТУРОВ —
о планах правительства
продавать облигации
гражданам

СТРАНИЦА 9

Ревизия шестой Думы

Три «либеральных
вердикта»: Дадин,
Осипова, Чудновец.
С чем они связаны?

Единственный осужденный по статье за нарушение правил митингов Ильдар Дадин неожиданно для всех вышел на свободу по решению Верховного суда. Спустя почти неделю та же инстанция отправила на новое рассмотрение дело Евгения Чудновеца — воспитательницы детского сада в Курганской области, осужденной за репост видео с издевательствами над ребенком (Чудновец, напомним, возмущалась содержанием ролика). В тот же день, 28 февраля, условно-досрочное освобождение получила Таисия Осипова, активистка «Другой России», которая в 2011 году была приговорена к 8 годам колонии за хранение наркотиков. Муж Осиповой Сергей Фомченков в настоящее время является одним из командиров вооруженных сил «ДНР».

«Усилия законодворцев приходится немного скорректировать на практике — это не стоп-сигнал, но команда слегка сбить темп»

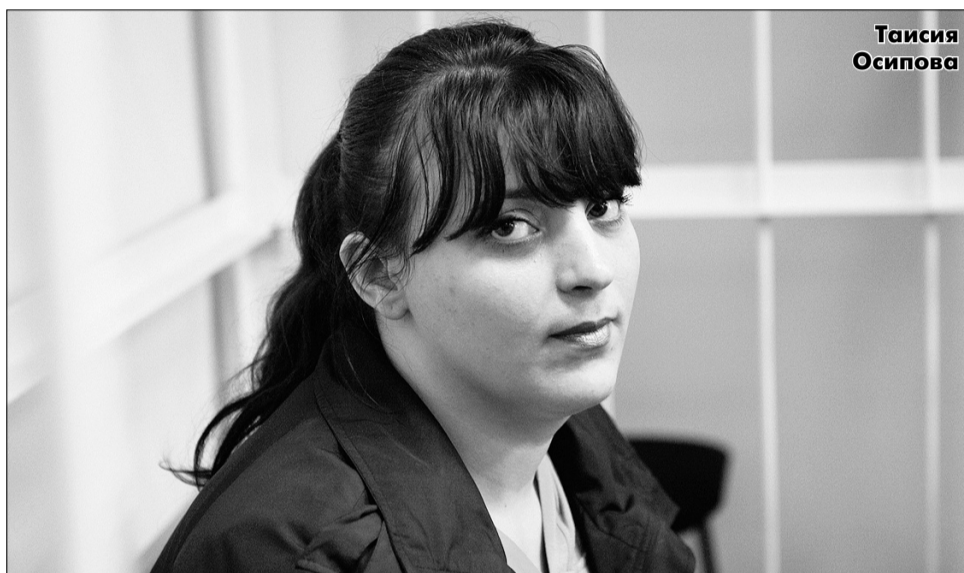
Эти судебные решения касаются очень разных дел. Но перечисленные в подобной последовательности производят вполне конкретный медийный эффект: в правоохранительной системе намечился определенный разворот, кто-то даже пишет — «либералы прорвались в суды». От чисто карательно-репрессивной системы российская правоприменительная практика, — по крайней мере на примере знаковых и шумных дел, — осторожно дистанцируется. Демонстрирует, что в России возможны отмены репрессивных приговоров и другие признаки гуманизма.

С чем это связано? С одной стороны, случай Дадина в основном ложится в предвыборную канву — нужно выпустить смутьяна, чтобы не раздражать накануне 2018 года небольшую, но громкую прослойку интеллигенции. Но объяснить этими политическими «законами жанра» пересмотр дела Чудновеца или УДО Осиповой не получается. За Чудновец в Москве не выходят на пи-



Евгения
Чудновец

Фото из архива



Таисия
Осипова

РИА Новости

кеты, разве что ворчат в социальных сетях — на ее «месте преступления». Внимание к делу Осиповой и вовсе в последние годы нулевое, а статус ее мужа-комбатанта делает политический смысл происходящего неоднозначным. Трудно предположить, что это запоздалая благодарность семье активистов «Другой России» за участие в «русской весне».

«Либеральный поворот», на который намекают эти события, может быть связан с ревизией наследия шестого созыва Думы — нынешние проводники российской политики, представленные как новыми депутатами, так и новой администрацией президента, возможно, не всегда в восторге от того законодворчества, которое досталось им от эпохи 2011–2016 годов. И дело даже не в том, что у нынешних игроков российской политики другие убеждения, — просто выясняется, что играть по правилам шестой Думы в принципе невозможно и даже опасно. Поэтому усилия законодворцев приходится немного скорректировать на практике — это не стоп-сигнал, но команда слегка сбить темп.

При этом чрезмерно обольщаться либерализмом, пожалуй, не стоит. Несмотря на вялые разговоры о возможной отмене уголовной статьи, по которой был осужден Дадин, конкретных законопроектов в Думу даже не внесено. Гуманизм в отношении Дадина случился, когда он и отсидел и на пытки жаловался. Так что теперь каждый гражданин России хорошо подумает, прежде чем идти на митинг, — не каждому под силу пережить такие приступы «внезапного либерализма». Уголовную статью для митингующих вполне могут оставить в силе, а вот применять ее — по крайней мере какое-то время — не будут. Вещь хорошая, зачем выбрасывать? Но как бы то ни было, порадуемся «игре в оттепель». И тому, что быть людоедами уже не модно.

Кирилл МАРТЫНОВ

«Я хотел попасть в место пожестче, но в Сегеже совсем расплясались»

Ильдар Дадин вышел из колонии в четыре часа дня в воскресенье. Никто этого не ожидал, но начальник колонии (как и пообещал) позвонил жене активиста Анастасии Зотовой на мобильный и сообщил: «Процедура освобождения начата». Выяснилось, что машина «Спецсвязь экспресс» доставила постановление об освобождении Дадина еще утром, но, как нам рассказали местные журналисты, Дадина предложили помыться перед выходом, потом пообедать, поэтому все затянулось.

Журналисты, жена и сестра ждали активиста под стенами колонии почти четыре дня.

...В сопровождении четырех сотрудников колонии в форме и одного в штатском Дадин шел к шлагбауму. В руках — две большие ашановские сумки, какие-то пакеты, рюкзак на спине. Никто не сказал Ильдару, что его кто-то ждет. Толпу журналистов он увидеть не ожидал.

Повисла растерянность: Настя Зотова не знала, за что хвататься, тут же надела на Ильдара куртку, которую привезли из Москвы. Ильдар долго обнимал сестру Лилю. Журналисты выставили камеры, кто-то вышел в прямой эфир. Ильдар сразу спросил, нет ли здесь «России» и «Лайфа».

По выходе из колонии Дадина выдали: 6400 рублей на билет до места регистрации, 850 рублей компенсации, три

набора сухого пайка производства города Болотное.

Двадцать минут экспресс-интервью: Дадин благодарит честных людей и гражданское общество, обещает продолжить борьбу с бандитами и с начальником ИК-7 в Карелии. Потом Настя буквально тащит его в машину от журналистов, и они уезжают в Барнаул. По пути они останавливаются, чтобы сделать фотографию с листочками А4 в руках — «Немцов жив» и «Борис». Зотова сразу загружает ее в фейсбук.

В пути пять часов, но Дадин обещает сразу по приезде дать интервью.

Дежурного администратора барнаульского мини-отеля, женщину лет пятидесяти, предупредили, что в номер должны прийти журналисты. Она просит: «Только потише, в соседних номерах семьи с детьми».

Дадин успел переодеться: бирюзовый джемпер, широкие бежевые штаны, резиновые шлепанцы, надетые на носки. Журналисты немецкого телевидения выставляют свет, в небольшом помещении быстро становится душно. Ильдару вешают сразу несколько микрофонов на петличках. Камеры пока не включены, но он уже начал говорить. Сразу — о письме, которое через жену передал из карельской колонии № 7 в СМИ и которое наделало столько шума.

— Я честно скажу, Косиев (Сергей Косиев — начальник ИК-7 в Карелии, которого Дадин обвиняет в пытках. — Ред.)



Фото автора

Активист Илдар Дадин на свободе. Первое, что он сделал, — собрал пресс-конференцию в барнаульской гостинице

не угрожал меня убить. Он мне сказал: попробуешь пожаловаться, мы тебя здесь же закопаем за забором. Я прибавил это слово — «убить», — чтобы больший резонанс был, чтобы спасти свою шкуру. Если из-за этого меня дальше не будут слушать — я заслужил.

Илдар садится на стул перед журналистами. Вопросы никак не направляют ход его рассказа, он движется в течении собственных мыслей, говорит о том, что у него наболело, перескакивает с темы на тему. В какой-то момент это становится просто его монолог — нужно выговориться.

Для Дадина все самое главное, случившееся с ним за решеткой, сосредоточилось в нескольких сентябрьских днях прошлого года, когда его доставили в карельскую колонию:

— Я был уверен, что моей поддержки будет достаточно для иммунитета от прямых избиений и пыток. Я даже отчасти разумом хотел попасть куда-то в жесткое место. Так как я собираюсь менять жизнь в России — я должен побывать в самых проблемных местах. Но в ИК-7 совсем распрясились.

Уже полночь в Барнауле, но для Дадина, кажется, времени не существует. Как он сказал нам, когда вышел: в колонии не знаешь, который час, только предполагаешь. Там время отмечают по бытовым ритуалам — проверка, завтрак, обед...

Он рассказывает, как в Сегеже приняли его и как поняли — он не рядовой

зэк, к каким здесь все привыкли. Как цитировал сотрудникам колонии законы и как за это получал.

— Я не помню, когда сказали, что «Мы тебя петухом сделаем»: утром или вечером в первый день. Весь день были оскорбления: «Тебя здесь ...», «в рот нассут». Но я вел себя достаточно развязно: велели поставить руки на стену — я знал, что это не прописано в ПВР или УИК, поэтому отказывался. Я их требования не выполнял в соответствии с 24-й статьей Конституции.

Иногда посреди фразы Дадин начинает заикаться, у него дергается уголок губы и щека. Тик. Мне он объяснил, когда это началось: «Чтобы занять мозг, я разучивал внутренний распорядок ШИЗО на стенах. Видел, что правила противоречат Конституции, что они фашистские. Пытался учить, но внутри было возмущение: это же узаконенные пытки! Покальвания в области сердца начались, это развилось в припадок, потом тик». Тик начинается, когда он говорит о том, что его особенно волнует.

— На второй день в ИК-2 подвесили на наручниках, сняли трусы и пообещали, что уже послали за заключенным, который меня «опустит». С голой попой, грубо говоря, висел. Я предполагал, что в данных учреждениях могут подвергнуть изнасилованию. Если это и произойдет, то со стороны заключенных... — как-то буднично произносит Илдар.

Дадин читал много про репрессию, смотрел кино. Он с серьезным видом говорит: когда его подвесили в наручниках, на второй минуте он вспомнил книгу «1984» Оруэлла и думал, как себя дальше вести.

— Я подумал, смогу ли я терпеть дальше или скажу: мать мою лучше пытайте или Настю? Мне кажется, я в ту минуту даже для себя второе бы выбрал. Но страшнее всего было то, что Настя не будет уважать. Я не понимал, как она сможет жить с человеком, который сам себя не уважает, сломленный, ничтожество!

В какой-то момент, похоже, реальность и художественный вымысел для Илдара переплелись. От врача, который из Москвы специально приехал провести обследование, он отказался: испугался, что «электроды и сигналы» могут иметь последствия для сердца, а сотрудники колонии «могут это под несчастный случай подвести, с сердцем что-то сделать».

Еще видно, что он ждал этого разговора. И дело даже не в том, что вокруг него собрались журналисты. На диване сидит водитель Жека, который 4 дня возил нас по Рубцовску, а потом довез Настю и Илдара до Барнаула, — как благодарный зритель. Илдару важно — его впервые за долгое время слушают.

Видно, что Илдар вымотан, но он готов говорить и говорить.

— Что это за история про драку с сокамерником?

— О-о-о, драка с сокамерником! — с предвкушением нового рассказа тянет Дадин.

Четвертый час утра. Пытаюсь как-то поговорить о приземленном, бытовом, спрашиваю, как всех ребят, которые выхотели по «болотке»: что он первое сделал, когда вернется домой. Мне отвечали: пойду в баньку, поем домашней еды, встречу со старыми друзьями...

— Буду слушаться ее, — Илдар обнимает Настю. — И буду отдыхать... — И тут же одергивает себя. — Но знаю точно: если нарушу слово и через полгода не вернусь к активной борьбе, значит, я не человек, не буду себя уважать.

А Настя хочет медовый месяц на Гоа.

Екатерина ФОМИНА,
спец. корр. «Новой», Барнаул

«Закон Дадина»

Только что и без лишнего шума была перераспределена власть во всей судебной системе

Теперь, когда Илдар Дадин возвращается домой и страсти улеглись, настало время для правового анализа того, что произошло и еще, несомненно, произойдет благодаря поправкам к ФЗ о Конституционном суде РФ, которые как-то незаметно вступили в действие 29 декабря (с момента опубликования на официальном интернет-портале правовой информации).

Смысл этих поправок, проект которых президент внес в Госдуму 24 ноября, в самом общем виде сводится к тому, что КС РФ получил право давать **обязательное истолкование** нормам, соответствие которых Конституции оценивается им в связи с рассмотрением конкретных жалоб, в том числе и в тех случаях, когда эти нормы не признаются им полностью неконституционными.

Собственно, КС-то считает, что такое право у него было и прежде, но остальные правоприменители, и прежде всего суды общей юрисдикции, придерживались иного мнения, и решающего влияния на формирование судебной практики КС до сих пор не оказывал. Ст. 79 закона о КС в новой редакции устанавливает, что **«применение... нормативного акта или отдельных его положений в истолковании, расходящемся с данным КС РФ», «не допускается»**. Этот недвусмысленный запрет распространяется и на все судебные решения, вступает в силу немедленно, а обжаловать его уже негде — в частности, это означает, что Дадина 10 февраля признал невинным, по сути, Конституционный суд, а Верховный 22-го лишь продублировал его решение.

Статью 212-1 УК РФ («Неоднократное нарушение... порядка организации либо проведения собрания, митинга, шествия или пикетирования»), которую обжаловала защита Дадина, судьи отказались признать противоречащей Конституции, но своим обязательным истолкованием сделали ее излишней и бессмысленной. В соответствии с истолкованием КС не создающие общественной опасности мероприятия не могут рассматриваться как преступления, независимо от повторности (но за нарушение порядка их проведения по-прежнему можно получить до 15 суток, а если они перерастают в беспорядки, так на то в УК и прежде была и остается статья 212-я: «Массовые беспорядки»).

Дмитрий Песков и Татьяна Москалькова уже дали понять, что они не против отмены статьи 212-1 УК РФ, хотя в КС представители президента и омбудсмена не поддержали линию защиты Дадина. А я бы предложил эту уже бездействующую статью оставить — как памятник опережающему репрессивному ражу Госдуме.

На этом примере мы видим, что в условиях крайней неопределенности (чтобы не сказать хуже) думского законодательства КС приобретает черты «корректирующего законодателя». Но это, может быть, даже не главное. «Дело Дадина» показывает, что КС РФ фактически становится и своего рода надзорной инстанцией над остальной судебной системой (правда, такая возможность зависит от конкретных жалоб и от их принятия или непринятия к рассмотрению в Конституционном суде).

Поправки к закону о КС поставили неожиданную точку в наукообраз-

ном споре «о прецедентах», который велся между Верховным и Высшим Арбитражным судами РФ, пока не закончился упразднением последнего путем «объединения с Верховным» в феврале 2014 года. Практическое значение этого спора состояло в том, что ВАС РФ пересматривал десятки решений нижестоящих судов с вынесением нового решения, а в практике Верховного суда такие «пересмотры» до сих пор были единичны. Здесь предпочитали формировать судебную практику путем разъяснений пленумов ВС РФ — есть много хороших и аргументированных «пленумов», например, о неприменении заключения под стражу по «предпринимательским» делам, но их влияние, в общем, стремилось к нулю: судебная практика формировалась каким-то иным, неявным образом. По «закону

«Конституционный суд с подачи президента становится надзорной инстанцией над всей судебной системой»

Дадина» (я бы предложил называть его «по прецеденту»), ключевая роль в формировании судебной практики отводится Конституционному суду (но не Валерию Зорькину, который сменяем).

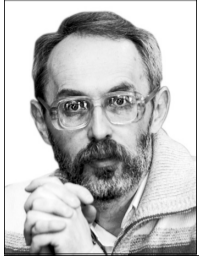
Это очень серьезное перераспределение власти внутри судебной системы. В своей манере президент, инициировавший «революционные» поправки, провел их «в режиме спецоперации», так что мало кто успел осознать их значение. В условиях, когда закосневшую и набравшую чудовищную инерцию систему «судов и правоохранительных органов» контролируют силовики, такой обходной маневр, наверное, надо признать остроумным.

Поправки были инициированы президентом накануне рассмотрения в КС запроса Минюста о возможности неисполнения решения ЕСПЧ по «делу ЮКОСа». Чтобы принять соответствующее решение (оно было оглашено КС 19 января), новых и «усиленных» полномочий ему не требовалось. Скорее это выглядит как «бонус» — возможность судьям поправить свою репутацию, которой, надо отдать им должное, они воспользовались с толком. Какое дело следующее? «Будем посмотреть».

Кстати, Дадин приехал, а мотивировочная часть решения Верховного суда РФ, по которому он, наконец, вышел на свободу, пока (28 февраля) не опубликована. О чем же так задумались судьи?

Леонид НИКИТИНСКИЙ,
обозреватель «Новой газеты»,
член Совета при Президенте РФ
по развитию гражданского общества
и правам человека,
кандидат юридических наук

Войны против времени



Алексей
ПОЛИКОВСКИЙ
обозреватель
«Новой»

Мы до сих пор изображаем из себя великую силу, которая сама себе дала право подчинять народы

В 1799 году Суворов перешел через Альпы. Переход этот, описанный в русской прозе и изображенный в русской живописи, вошел в анналы военной истории и до сих пор восхищает любителей батальных описаний и героических картин. Но во всех рассказах про то, как связывали офицерскими шарфами бревна, чтобы перейти по ним Чертов мост, как шли сквозь облака и съезжали на задах по заснеженным скалам, как-то теряется вопрос о том, зачем все это было нужно и какая вообще была у героического похода цель. И действительно, зачем русский фельдмаршал с 20 тысячами солдат ходил через Альпы в Швейцарию?

Цель была — очистить Швейцарию от революционных французских войск и идти потом на Париж.

Потому что Париж был сердцем революции, городом, провозгласившим свободу, равенство, братство. И смерть королям.

Цель была — усмирить Францию, загнать людей в прежнее бесправие, восстановить старый порядок, подавить революцию.

От Москвы до Швейцарии две с лишним тысячи километров, а до Парижа и того больше. Железных дорог тогда не было, автомобилей тоже. Пешком шла русская пехота через всю Европу, чтобы на полях Тосканы погибать во имя рабства и падать в альпийские пропасти



Имре Надь (1896–1958) — венгерский политик, коммунист, председатель совета министров Венгрии во время венгерского восстания 1956 года. Поддержал восстание, восстановил многопартийную систему, объявил о свободных выборах, призвал вывести советские войска из Будапешта, объявил о выходе Венгрии из Варшавского договора и провозгласил ее нейтралитет. После подавления восстания повешен.

во славу монархии, крепостного права, тюрем и цензуры.

Такова была сила российской империи и так далеко ходили ее войска, чтобы вразумлять восставшие народы, которые к России никакого отношения не имели.

В 1830 году восстал Бельгия и отделилась от Голландии. Далеко Бельгия от России, но зоркий взгляд всевропейского соглядатая проникал повсюду. Царь Николай I выпустил манифест, где грозил Бельгии за ее восстание, за то, что отделилась, не спросив разрешения в Санкт-Петербурге, за то, что выгнала своего короля и нарушила порядок, за ее мысли о конституции, правах человека и свободе. И уже собирались войска, чтобы идти подавлять бельгийскую революцию, но только тут восстали поляки, и стало не до Бельгии.

Три раза восставала Польша, в 1794-м, в 1830-м и в 1863 годах. Три раза восставали поляки против заведомо более сильного врага, вступали в бой со сотысячными и двухсоттысячными армиями, приходившими с Востока, вели партизанскую войну, гибли сотнями и тысячами, мечтали о независимой Польше, о свободе и конституции. Другие тысячи после разгрома восстаний шли по этапу на пожизненную ссылку в Сибирь. Трижды империя подавляла польские восстания, подавляла успешно, успешно вытравляла из поляков саму мысль о независимости, успешно вешала и сажала в тюрьмы, успешно выгоняла профессоров и поэтов в эмиграцию, чтобы голодали и мерзли на парижских чердаках, успешно наваливалась всей тушей и настаивала на своем: Польша — неотъемлемая часть России, и не быть ей свободной.

Но, глядя из сегодняшнего дня, видим, что бессмысленным был этот упорный, занявший века труд по принуждению Польши. Ума и чутья не хватило понять, в какую сторону идет история. Только тысячи людей погубили без толку.

Кажется, какое отношение имеет все это к сегодняшнему дню? Имеет, и прямое. Мы до сих пор гнем эту линию, до

Ромуальд Трауггутт (1826–1864) — поляк, офицер русской армии, участвовал в Крымской войне и обороне Севастополя в 1855 году. В 1862-м вышел в отставку. В 1863-м принял участие в польском восстании, командовал партизанским отрядом, руководил вооруженным подпольем. Арестован и публично повешен в Варшаве в 1864 году вместе с другими членами польского подпольного правительства.



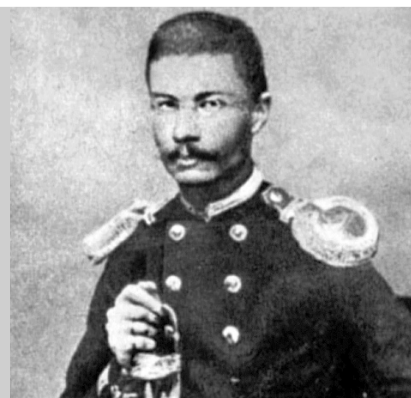
РИА Новости

Николай Палкин — так называл русского царя Лев Толстой, услышавший это имя в рассказе старого солдата о николаевских временах, когда людей забивали палками. О встрече с солдатом Лев Толстой написал в тексте «Николай Палкин». Там есть такие слова: «Прошло? Что прошло? Разве может пройти то, чего мы не только не начали искоренять и лечить, но то, что боимся назвать и по имени. Разве может пройти жестокая болезнь только от того, что мы говорим, что прошло. Оно и не проходит, и не пройдет никогда, и не может пройти, пока мы не признаем себя больными».

сих пор изображаем из себя великую силу, которая сама себе дала право подчинять народы. Но только силы той у России давно нет.

В центре Будапешта стоит памятник генералу Бему. В 1848 году, во время венгерской революции, поляк Бем командовал венгерскими войсками. Но как польские восстания Россия давила вместе с Пруссией, заранее определяя, кому в какой области расстреливать и вешать, так венгерскую революцию давили вместе с Австрией, а вернее, вместо нее. Кажется, что нам до Венгрии, пусть живет как хочет! Но нет, нельзя позволять людям жить как хотят — и поэтому сюда, в Венгрию, в Трансильванию, шла сотни верст пешим ходом русская армия, чтобы подавлять, разгонять, усмирять и возвращать людей под ту власть, которую они ненавидели и терпеть не хотели.

Это и была должность России, начиная с конца XVIII века, должность, на которую Россия заступила по собственной воле, а вернее, по воле Романовых, — жандарм Европы. Силен был жандарм и могуч, посылал корпуса в Италию и дивизии в Венгрию, шпионил за



Герценом в Лондоне, охотился за русскими политическими эмигрантами во Франции и Австрии. Так силен был этот жандарм и так упоен своей силой, что думал о себе, что всемогущ. Шел в Париж срывать с парижан якобинские колпаки, приводить их под присягу старым порядкам, а дошел, в конце концов, до Екатеринбургa, до подвала Ипатьевского дома.

В Библии бесы, изгнанные из людей, вселяются в свиней, в фильмах ужасов монстр из убитого тела перепрыгивает в новое, здоровое. Так имперское чванство и имперский садизм переселились из русской империи в советскую республику. И теперь уже те, кто убил жандарма во имя свободы, сами стали жандармами. И снова зыркал недоброжелательным взглядом всевропейский соглядатая, отслеживая малейшее дуновение свежего ветра в оккупированной Европе. Снова тяжело снимались с места армии и шли подавлять.

Все, как прежде, только техника другая.

Против вышедших на улицы берлинских рабочих 1953 года — танки.

Против повстанцев в Будапеште 1956 года — танки.

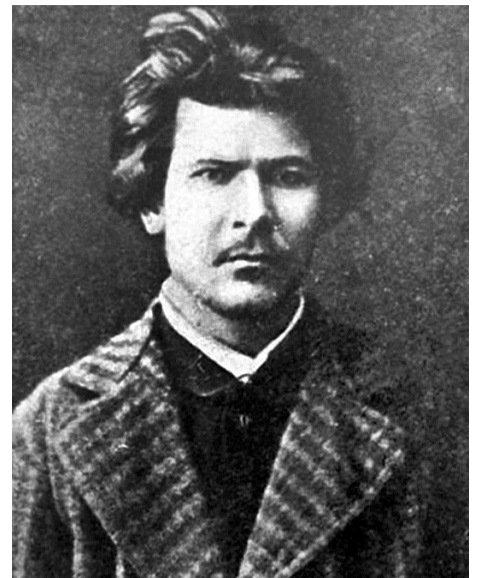
Против Пражской весны 1968 года — танки.

Все то же, что было, только словесная обертка и пропагандистская оболочка иная, а больше ничего. Снова Россия, как какой-то неизбежный и неизбывный монстр с востока, набрасывалась и давила польские, немецкие, чехословацкие поползновения к свободе, демократии, многопартийности и отсутствию цензуры, снова убивала и ссылала, допрашивала и сажала. И снова была слепота, только имперские бельма на глазах сменились советскими. Как прежде



САМУИЛ
РОМАНОВ

ПЕТР САРУХАНОВ — «Новая»



Алексей Боголюбов, настоящее имя Архип Емельянов (1854–1888 или 1889) — русский революционер, в 1876 году участвовал в демонстрации на Казанской площади в Санкт-Петербурге, приговорен за это к 15 годам каторги. В доме предварительного заключения не снял шапку перед градоначальником Треповым и по его приказу в нарушение закона высечен розгами. Вера Засулич, которая пришла на прием к Трепову и дважды выстрелила в него, была оправдана судом присяжных. Боголюбов на каторге сошел с ума и умер.

Романовы, так теперь генсеки не чуяли, не видели, не понимали, куда идет время, которое им не дано остановить.

Мертвенным своим взглядом обводя Европу, они видели повсюду жизнь, желающую жить, студентов, грезящих свободой, рабочих, мечтающих о профсоюзах, писателей, ненавидящих цензуру, демонстрантов, протестующих против оккупации. Ни разу в их закостеневших мозгах не возник вопрос: «А зачем мы все это делаем? Зачем лезем в чужие дела и навязываем людям то, что им ненавистно? Зачем тратим силы страны и ее историческое время на подавление того, что все равно подавить нельзя? Разве у нас в России, в нищей, пустеющей, обескровленной России, — нет дел? Разве обязательно России быть мучителем и пугалом?» Нет, такая простая человеческая мысль не приходила им в голову.

И как прежде Романовы в золотых эполетах были безумны, так теперь

были безумны Андроповы и Черненки в серых шляпах. Однажды прямо посреди бала Николай Палкин, которого декабристы напугали на всю его жизнь, вдруг закричал танцующим офицерам, чтобы седлали коней и скакали на Рейн подавлять французскую революцию. Что за ужас клюнул его в этот момент в мозг? Андропова такой же ужас корчил и корчил каждый раз, когда он вспоминал 1956 год и Венгрию.

И как прежде Романовы не понимали, что все, что они творят, ведет их к вагону на станции Псков, где последний из них отречется, так и теперь череда генсеков не могла, не в состоянии была понять, что все, что они делают, ведет их к Беловежской Пуще, где три мужика подпишут империи приговор на пеньке.

Но было и нечто новое в этом неизменном, занявшем два века процессе подавления революций и угнетения народов.

Это новое — убывание со временем силы жандарма, уменьшение его страшных усов, укорачивание его некогда длинных рук, достававших до Италии, тянувшихся к Парижу, хватавших за горло Будапешт.

Когда-то Россия была необозримой мощью. Эта мощь, эта глубина пространства, эти дивизии, которые появлялись в Европе по мановению царской руки, эти негнувшиеся спины и мозги императоров — все казалось незыблемым и вечным. Но Россия царей и Россия генсеков веками и десятилетиями тратила себя, отдавала свою кровь и свою жизнь для воплощения бредней, иссякала в войнах и усилиях по подавлению революций, по удержанию того, что удерживать не надо и нельзя. Россия теряла свои силы, подавляя чужие народы, и — забыла про свой. Все, чему Россия противилась, все равно произошло. Французская революция сияет в веках,

Венгрия отделилась от Австрии, Польша освободилась, Чехия и Словакия живут без нас — а с чем остались мы?

С зарплатой 125 долларов? С аварийным жильем фондом? С обезлюдившим Дальним Востоком? С 20 миллионами бедных? С двумя процентами мирового ВВП?

В 1799 году бодрый Суворов собирался очистить от революционных французских войск далекую Швейцарию. В 1830-м Николай Романов грозился, что придет через всю Европу в Бельгию и накажет ее за революцию. В 1848-м Паскевич умирал Венгрию. В 1980 году Политбюро выбирало способ, каким в очередной раз схватить соседнюю Польшу... Но в 2014-м — революция в Киеве, и из-под мертвой, изжившей себя власти уходит уже не далекая Франция и даже не соседняя Польша, а... близкая Украина.

И это не остановить. Можно принимать драконоские законы, сажать петрашевцев и диссидентов, пороть политзаключенного Боголюбова и пытаться политзаключенного Дадина, можно заставлять поляков на их собственные деньги строить для себя тюрьму в Варшаве, а немцев — стену в Берлине, можно повесить поляка Ромуальда Траугутта и венгра Имре Надя, можно бороться со свободным книгопечатанием в 1848 году в Берлине и в 1948 году снова в Берлине, можно сто лет подряд противопоставлять «свободе, равенству, братству» «православие, самодержавие и народность», можно это и еще многое, очень многое бессмысленное и пустое...

Но жандарм скукоживается. У него больше нет сил. Он изжил себя, и ему не помогут даже анаболики в виде пилуль ненависти и таблеток пропаганды. Революция и свобода, за которыми жандарм 200 лет гонялся по всей Европе, сами пришли к нему в гости и стоят на границе в 500 километрах от Москвы.

Петрашевцы — участники пятничных собраний, проходивших в Санкт-Петербурге в доме переводчика Министерства иностранных дел Михаила Петрашевского в 1845 году. На собраниях обсуждали политику и философию, необходимость освобождения крестьян, отмену цензуры, реформу суда. 21 участник кружка судим военным судом исключительно за разговоры и идеи, а также за чтение письма Белинского Гоголю и за недонесение о чтении. Все приговорены к расстрелу. Во время инсценировки расстрела петрашевцы не знали, что расстрел заменен другими наказаниями. Сам Петрашевский приговорен к бессрочной каторге и умер в Сибири в 1866 году.



Репродукция рисунка «Обряд казни петрашевцев»

РИА Новости

СИЛА ПАМЯТИ

Они здесь, не забыли, не испугались. Сквозь отвязную Москву, которая ест блины, прошла другая, прижимающая цветы к груди

Марш начинается не в два часа, а в половине третьего. Эти полчаса люди тихо стоят на проезжей части и тротуаре Страстного бульвара. Холодно. В тишине я отчетливо слышу биение десятков красно-сине-белых полотнищ, поднятых над колонной на тонких флагштоках в голубое зимнее небо.

Вчера были мокрый снег, слякоть под ногами, грязная распутица февраля. Сегодня день — как чистый кристалл: от неба и до земли ясный воздух, синева, лед. И в этом вдруг распахнувшемся небе нет тархтящего полицейского вертолета и следящих дронов, которые всегда были на прошлых маршах.

Люди стоят очень плотно и еще прибывают сзади, от рамок, поставленных в начале бульвара, где полицейские помимо обычной проверки сумок требуют у людей распахивать куртки и пальто. А рядом с рамками молодой человек, имеющий вид элегантного менеджера из хорошей компании, громко провозглашает раз в минуту: «Внимание! Работает камера хранения!» У его ног стоит огромный картонный ящик, куда можно класть вещи, которые не пропускает полиция.

Чуть дальше у ограды бульвара — человек с плакатом: «Зарвавшееся государство рождает убийц».

Тихо стоят люди под треском флагов на холодном ветру, слушая ритмичный стук двух тибетских барабанов, и только в центре бульвара ревом взламывают тишину националисты под бело-желто-черными полотнищами. Впереди у них растяжка со словами «Свободу Дмитрию Демушкину!». Ходит перед их колонной парень в зеленой военно-полевой форме, в высоких шнурованных ботинках и с наброшенным на плечи черным флагом, на котором странный пацифик, пронзенный мечом. Другой, с маленьким мегафоном маскировочных пятнистых цветов, на боку которого написано «Орало командирское», кричит лозунги, но громче кричит их другой, с бородкой, у которого мегафона нет. Он невысок, весь наполнен энергией, он выпускает энергию через мощные легкие и помогает себе жестами рук, которыми словно зачерпывает пригоршни воды. И вот они кричат, через мегафон и без него: «Слава России! Россия будет свободной! Свободу узникам совести! Отменить два-восемь-два! Меняем Белова на Сердюкова! (А Демушкина на Медведева! — добавляет кто-то со смехом.) Россия это Европа! Единая Европа от Москвы до Лиссабона!»

Марш трогается. Я люблю людей этих маршей, интеллигентную Москву всех возрастов и положений, в лыжных шапочках и капюшонах, в хипповых шапках с помпонами, на шнурках и в пролетарских засаленных ушанках, эту прекрасную Москву, которая слезам не верит и сволочей не боится, вы ей слово, она вам три; демократическую Москву, которая помнит, как подход Сталин, и лучше всех политтехнологов знает, что диктатуры смертны.

Идет эта Москва под российскими триколорами, под бело-зелено-красными флагами «Яблока», под ослепительно-желтыми флагами «Открытой России», под странным флагом либертарианцев, на котором змея и совет на нее не наступать, а также под голубыми флагами с желтым украинским трезубцем, идет и скандирует: «Прекратите репрессии в Крыму! Свободу украинским политзаключенным!» Выстраиваются в ряд во всю ширину проезжей части мальчики и девочки, каждый из которых держит картонку в цветах российского флага, пробитую пятью дырами от выстрелов в Немцова, а девушка в черной шапочке, из-под которой падают рыжие волосы, держит большой плакат «Нет слов».

Висит на витрине приклеенный к ней лист с небрежно написанными словами, которые сочинил кто-то, хорошо слышащий русский язык. Там вопрос: «Дядину свобода дадена?»

И во всю длину этого марша, занимающего Петровский бульвар и Трубную площадь, а потом и подъем к Сретенке, плывет в чистом и холодном воздухе лицо Бориса Немцова на тысячах портре-



Влад ДЮКШИН — «Новая»

26 февраля 2017 года

тов. Над черным, зимним потоком людей, в веянии флагов плывет лицо улыбающегося Бориса, убитого властью два года назад. Он этой власти был поперек пути и остается поперек горла, и поэтому они десятки раз грабят его мемориал на мосту, утаскивая в свою преисподнюю цветы и портреты, и насылают провокаторов на марш, которые плещут Касьянову зеленкой в лицо.

Под портретами Немцова его слова, дадим ему слово.

«Свобода стоит дорого».

«Путинский режим — угроза всему человечеству».

« Я люблю людей этих маршей, эту прекрасную Москву, которая слезам не верит и сволочей не боится, демократическую Москву, которая помнит, как подход Сталин, и лучше всех политтехнологов знает, что диктатуры смертны »

«Они против революции? Я тоже! И могу им предложить простую формулу, как ее избежать. Провести в стране выборы. Честные! Пусть поддержат эту идею, и в стране все будет спокойно».

«Верните выборы, гады!»

«Майдан возникает, когда людей лишают права выбора».

«Война с Украиной — это война Путина за свою власть и деньги».

«Есть Путин — нет России».

«Те, кто борется за свободную Россию, — патриоты».

«У нас остается единственный шанс — улица».

«Я делаю ровно то, во что я верю. Когда есть выбор между принципами и карьерой, я всегда выбираю принципы. Вообще в России жить опасно, а у нас нет выбора. В России все дети живут, мама живет в России. Уезжать из страны мы не хотим. Пусть они валият. Почему мы должны уезжать? Это моя страна! Я не хочу страну никому отдавать!»

«Россия будет свободной».

«Россия будет свободной!» — люди подхватывают слова Немцова, этот боевой клич и энергетическую мантру кричат, как всегда, сотни голосов, возникающих то в одном, то в другом месте марша. Не бывает молчаливых маршей, и сегодня люди тоже кричат, что у них на душе и на уме. Кричат круговую кричалку, в которой одно и то же слово является одновременно обращением и ответом на вопрос: «Путин! Кто убил Немцова? Путин! Кто убил Немцова? Путин!» — и так двадцать раз под-



Разграбленный мемориал был восстановлен в эту же ночь



ряд. Импровизируют, нащупывая на ходу правильные слова, и находят те три, которые еще станут девизом и лозунгом новой России: «Свобода, демократия, достоинство!» И кричат сотни голосов, следующих за одним пронзительным женским, по-московски раскатывая «а» вместо «о»: «Нет вайне! Нет вайне! Нет вайне!»

Так, крича и переговариваясь, залезая на бетонные тумбы, чтобы оглядеть двадцатитысячную колонну сверху и фотографируя смартфонами все, что можно сфотографировать, идет живой, человеческий, открытый, откровенный, не знающий испуга марш, похожий своим нравом на Бориса, который не боялся говорить то, что думает, и не боялся быть живым человеком в мире политических зомби. Табу для него не было. И москвичи, которые дают по пути марша интервью телекамерам, говорят так открыто и так откровенно, как уже не говорит в России пресса. Журналисты ТВ опасно перебивают их: «Это ваше личное субъективное мнение!» — и прячутся за эту формулу, слыша о террористе у власти и преступлениях режима. А люди не прячутся, не скрывают лиц, поднимают листочки с выведенными от руки словами «Я не боюсь!» и спокойно объясняют, что власть преступна и пятьсот тысяч человек все равно рано или поздно выйдут на улицы. Молодой мужчина в шапочке, натянутой по самые брови, в кожанке и с шарфом, обмотанным вокруг горла, на двух руках поднимает над собой картонку, на которой он сам нарисовал большие печатные буквы в три этажа. Верхнее слово белое, среднее синее, нижнее красное: «Борис, убийцы ответят». Я говорю ему: «Я тоже

так думаю». — «Конечно», — мгновенно отвечает он с истощающей, закрывающей разговор интонацией.

Эти люди никуда не денутся. Они будут жить в жизни, не будут молчать, будут ненавидеть ложь и войну, будут выходить на улицы, будут настаивать на своем, даже если телевизионные помой залиют страну и власть закроет последнюю свободную газету. Будет жить в России длинноволосый мальчик, который повесил на рюкзачок флаг Евросоюза и еще не вполне понятный значок «Fuck 2016». Будет жить здесь, в Москве и России, высокая красивая девушка с зелеными волосами и булавкой в нижней губе, идущая с самодельным плакатом, по углам которого приклеены портреты Немцова, а между ними стоит выведенное черной тушью и огромными буквами: ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ. И будет жить здесь маленькая, хрупкая женщина в очках, в шерстяной модной шапке, в темном пальто и розовых варежках. Лицо у нее серьезное, седые тонкие пряди выбиваются из-под шапки. Розовые варежки держат квадратный лист ватмана, на котором стихи:

*Наррага века — четыре пули,
Скупые фразы и ложь глупцов...*

*Один — кто был до конца свободен,
Над тьмою и гарью уходишь ввысь —
Российский воин Небесных Сотен
Герой России Немцов Борис.*

ПОД ТЕКСТ

Даже преступники не воруют цветы с памятных мест

Ночью, после того как с заваленного цветами моста ушли все, кроме пятерых дежурных, к мемориалу подъехали четыре полицейские машины и семь машин Гормоста. Пятерых активистов задержали и доставили в ОВД, а цветы, портреты, рисунки, свечи погрузили в грузовики и вывезли с мемориала. Активисты никогда не совершают правонарушений, а цветы являются собственностью граждан Москвы.

Облавы и грабежи на мосту устраиваются властями постоянно. В этом году мемориал уже был разграблен 12 января и 28 января. Каждый раз люди восстанавливают народный мемориал, принося новые цветы и портреты Немцова. Так произойдет и в этот раз.

Мы предполагаем, что незаконные задержания активистов и кража цветов — спецоперация ФСБ по уничтожению памяти Бориса Немцова. Обращаемся к генералу, командующему сложнейшей операцией: «Товарищ генерал! Прекратите это! Даже преступники не воруют цветы с могил и памятных мест».

«Люди не прячутся, не скрывают лиц, поднимают листочки с выведенными от руки словами «Я не боюсь!» и спокойно объясняют, что власть преступна и пятьсот тысяч человек все равно рано или поздно выйдут на улицы»

На мосту тесно. Там не протолкнуться. Идут с Варварки и с Охотного Ряда, от станций метро, все новые и новые с цветами. На Охотном Ряду вопит и гремит Масленица, там раскрасневшиеся дюжие мужики без шапок, сцепившись локтями, перетягивают на платформе других таких же мужиков. О том, что сегодня день убийства Бориса Немцова, они не знают, не слышали. На Красной площади невидимый среди красных теремов массовик-затейник заводит свои оглушительно громкие песни и разговоры.

Веселится, ест блины, отвязно пляшет на Моховой одна Москва, и сквозь нее, никак не соприкасаясь с ней, отдельно и отстраненно, идет другая Москва, прижимая цветы к груди.

Я видел многих из них на марше. Они несли заранее купленные цветы по бульварам, нежные и мягко сияющие в холодном воздухе цветы в прозрачном целлофане и в промасленной коричневой бумаге, несли их, бережно прижимая к груди или держа за длинные стебли бутонами вниз, несли, хитрым образом приторочив букеты за спинами к рюкзакам и прикрепив их к плакатам со словами «Эти пули в каждого из нас». И теперь сотни и сотни букетов поднимаются мимо черных полицейских фигур и кремлевских стен на Немцов мост, точно к тому месту, где два года назад в такой же февральский день убили Бориса.

Этим убийством они сказали нам, что не остановятся перед тем, чтобы убивать. Сами убьют, и сами будут расследовать убийство. Будут насыпать Лубянку под видом Гормоста на мемориал, чтобы утаскивать дежурщих здесь ежедневно и еженощно в отделение и спешно, по-воровски вывозить цветы, портреты, свечи и даже ботинки активистов. В переводе на человеческий язык эти действия означают: мы убили, и мы вам помнить его не дадим. Кровь затрем, вас разгоним, место очистим, и снова воцарится тут беспамятство, и будут тут ходить ничего не знающие люди, смеяться и фотографироваться с видом на Москву-реку. Немцов? Кто такой? Какой Немцов? Вот и весь их план.

А чтобы вам сегодня здесь было плохо, мы поставим на парапет полицейского с мегафоном, который будет монотонно засаживать вам в мозг каждую минуту: «Граждане, проходите по мосту! Вы мешаете движению!» Так он будет бубнить рутинно, упорно, долго, словно не понимая, что здесь место убийства, куда люди идут почтить и вспомнить убитого, но никто не будет обращать внимания на этого несчастного полиция, так, словно его здесь нет, вместе с его начальством, которое дало ему идиотский приказ, и вместе со всей властью, которая в этот день чуть сторонится, но злобно дышит.

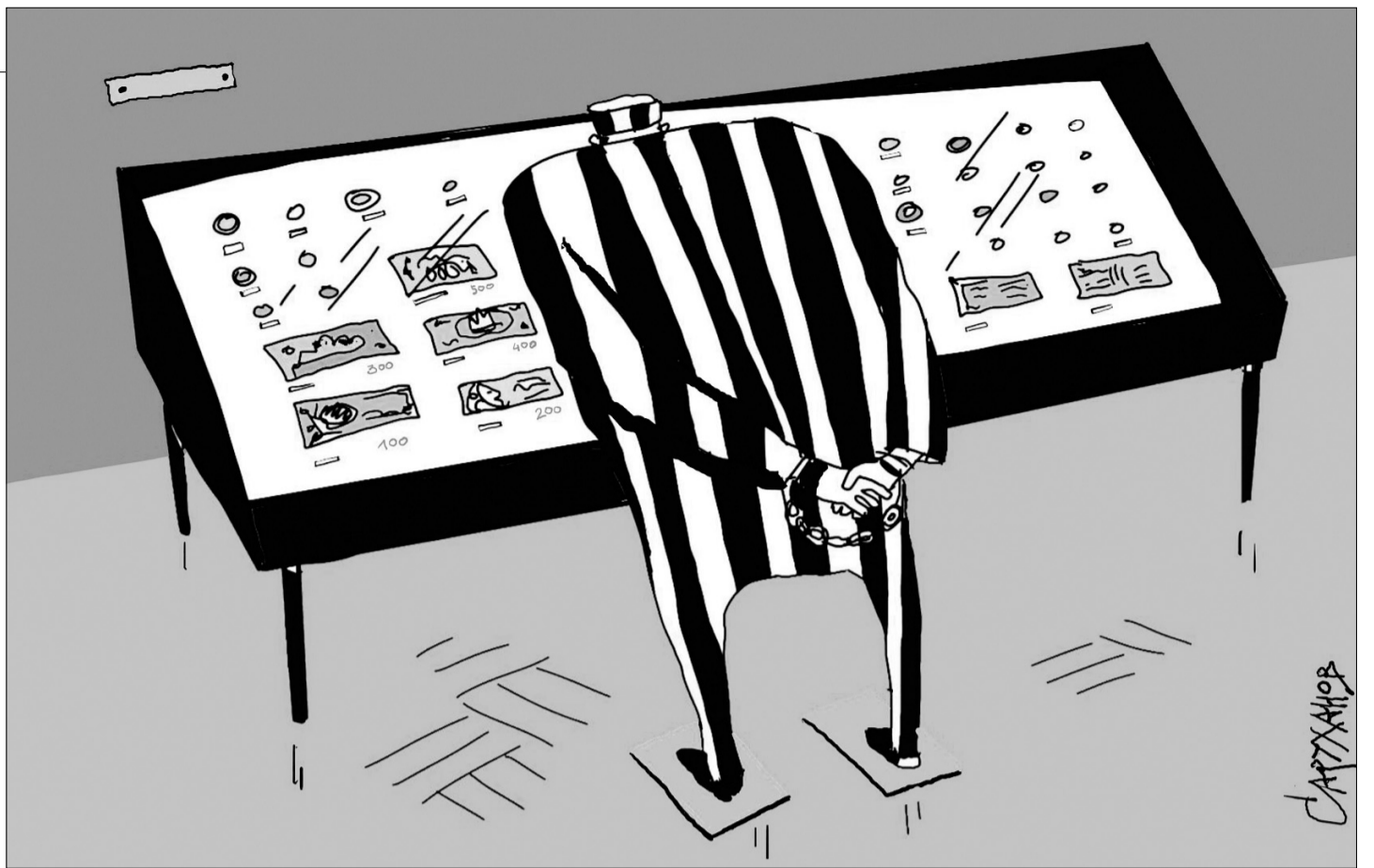
Тут, на мосту, в тесноте тротуара, над серой незамерзшей рекой, над простором с дымящими трубами, золотыми куполами и силуэтами небоскребов, стоят сотни людей. Одни приходят, другие уходят. Является сюда на замызганном велосипеде с толстыми шинами парень в красном шлеме, надетом на черную шапочку, в красной курточке со шнурками, с рваным кислотно-зеленым рюкзаком на спине. И он долго никуда не уходит с моста, а стоит со своим велосипедом в десяти метрах от места, где одни подонки по приказу и заказу других подонков убивали Немцова. У него небритые щеки, тяжелые грязные ботинки и лицо, в котором горечь и печаль.

Белые, красные, розовые, желтые цветы так красиво сияют на фоне серого камня. Бордовые розы и белые тюльпаны касаются лепестками листа в золотой рамке, на котором написано: «Здесь убит Немцов». Лицо Бориса выглядывает из-за огромного букета красных роз и гвоздик. Люди зажигают свечи. Высокий мужчина идет вдоль живой цветочной стены со стопкой синих горшков для все новых и новых цветов. Другой мужчина кладет свой букет к портрету и говорит едва слышно: «Царствие небесное...»

Алексей ПОЛИКОВСКИЙ,
обозреватель «Новой»



Любимов считает, что люди в России недовольны не столько неравномерным распределением доходов, сколько несправедливым обогащением. При этом по уровню неравенства богатства наша страна превзошла уже даже страны Латинской Америки. В долгосрочной перспективе именно неравенство может стать ключевой причиной отставания России от других стран. Аналогичные проблемы встают, впрочем, и перед развитыми экономиками: стагнацию медианных доходов граждан называют одной из причин успеха президента Трампа. Последний, по мнению Любимова, предлагает сейчас чрезвычайно опасную повестку, которая может обернуться таможенными войнами между странами и концом свободной международной торговли.



«Бедность останется в России надолго»

— Что происходит с уровнем неравенства в России по сравнению с другими регионами, например, со странами Латинской Америки?

— Здесь важно разделить неравенство доходов и неравенство капитала (или богатства, что то же самое). Россия значительно превосходит европейские страны по обоим показателям: коэффициент Джини (*статистический показатель расслоения общества*. — Ред.) по доходам у нас на треть выше (40—41 в России против 30—31 в среднем по Европейскому союзу)). Что касается Латинской Америки, то в этом регионе неравенство по доходам выше российского. «Именем нарицательным» для высокого уровня этого типа неравенства долгое время была Бразилия. В последние годы им удалось улучшить ситуацию, но они все равно превосходят нас. А вот по неравенству богатства Россия, напротив, заметно опережает многие страны Латинской Америки.

— Социологи говорят, что неравенство и его восприятие — это главная точка напряжения в российском обществе сегодня.

— Есть отношение к неравенству как таковому и отношение к природе этого неравенства. К самому факту неравенства россияне относятся довольно спокойно: около 60% населения ничего против него не имеют. Они понимают, что все люди различаются по трудолюбию и способностям. Второй момент — это природа неравенства. Разный уровень богатств появляется потому, что экономика устроена справедливо, или же потому, что большую роль в ней играют личные связи? Неравенство, которое существует в России, воспринимается населением как несправедливое.

В нулевых произошла поляризация российского общества: наряду с теми, кто не приемлет неравенство, появилась большая группа людей, которые относятся к нему положительно. На волне экономического роста многие люди считали, что неравенство справедливо. Какие-то усилия и навыки позволяли тебе разбогатеть и отделаться от других граждан — это ведь хорошо. А вот с наступлением кризиса, после 2013 года, когда возможностей разбогатеть стало существенно меньше,

поляризация стала уменьшаться. Сейчас в обществе действительно растет неприязнь к сложившемуся неравенству и крепнет запрос на социальную справедливость.

— В США и в Европе неравенство воспринимается очень по-разному. У этого явления есть культурные корни?

— В Европе всегда существовала аристократия, богатство формировалось за счет насилия и получения ренты. Эта история привела к тому, что французское и другие европейские общества относятся к проблеме неравенства довольно болезненно, в то время как в США состояния, за исключением рабовладельческого Юга, формировались более справедливо — за счет предпринимательства и технической революции. Это больше напоминало то неравенство, которое мы наблюдаем в развитых странах сегодня: «новая аристократия» прекрасно образована и доходы скорее зарабатывает, чем присваивает.

— Скандинавскую модель социализма называют одним из наиболее эффективных способов борьбы с неравенством. Вы с этим согласны?

— Есть работа Дарона Асемоглу из Массачусетского университета, в которой он задается вопросом о том, почему бы нам всем не стать скандинавами в экономике. В этом регионе не только низкое неравенство, но и высокий уровень благосостояния. Но Скандинавия в основном перенимает новые технологии и гораздо в меньшей мере самостоятельно создает их. В США мы видим более высокий уровень неравенства, но компенсации предпринимателям в виде возможности заработать создают более благоприятную среду для инноваций. Это, по Асемоглу, дает стране преимущество в международной конкуренции. С другой стороны, в США мы видим регулярные социальные конфликты — например, между разными группами населения и полицией. В Скандинавии уровень социальной напряженности гораздо ниже. Отчасти это результат меньшего неравенства доходов.

— Среди экономистов есть понимание того, в какой мере неравенство может служить стимулом для экономического роста?

**Старший научный сотрудник
Института Гайдара
Иван ЛЮБИМОВ —
о том, как
неравенство влияет
на экономический
рост и развитие
демократии**



— Сегодня экономисты, к сожалению, не могут сказать, стимулирует ли неравенство экономический рост. Есть теоретические работы, которые предлагают такую взаимосвязь, но эмпирической проверки они пока что не прошли.

США — далеко не единственная страна с высоким уровнем неравенства. В еще более «неравных» странах Латиноамериканского региона или в Африканских странах не происходит колоссального экономического роста. В 1960-е годы Латинская Америка по многим параметрам превосходила Восточную Азию: Китай, Южную Корею, Тайвань. Сегодня ситуация кардинальным образом изменилась. Часть азиатских стран уже входит в группу богатых стран ОЭСР, другая часть растет быстрыми темпами, в то время как странам Латинской Америки за 50 с лишним лет удалось продвинуться в гораздо меньшей мере.

Я думаю, что не неравенство влечет за собой экономический рост, а скорее, наоборот. Сперва по каким-то причинам экономика начинает расти, бенефициарами этого роста становится одна часть населения, другая — не получает ничего, а третья еще и проигрывает — так и возникает неравенство. Но это тоже предположение, а не эмпирический результат.

— Некоторые экономисты, в том числе российские, предлагают стимулировать потребление бедных слоев населения, чтобы запустить рост экономики. Что вы об этом думаете?

— Есть два вида экономического роста. Первый можно сравнить с положением семьи, в которой несколько членов потеряли работу. Восстановительный рост возможен, когда все вновь найдут себе заработок. Это так называемый циклический рост — экономика время от времени впадает в рецессии и выходит из них. Другой вид роста происходит, когда члены семьи не только работают, но и переходят на более технологичные и доходные рабочие места. Это фундаментальный долгосрочный рост, когда страна, находясь на потенциальном уровне выпуска, увеличивает его. Мера, о которой вы упомянули, относится к циклическому росту. Можно дать людям денег, провести фискальную интервенцию, помочь компаниям, чтобы восстановить уровень выпуска. Как временная мера это может сработать, правда, ценой может стать дефицит бюджета, сокращение стимулов для предпринимателей и так далее. Но она вряд ли поможет экономике выйти на новый уровень выпуска. Долгосрочный рост зависит от того, о чем в России уже надоело говорить, — это защита прав собственности, улучшение работы фи-

« С наступлением кризиса, когда возможностей разбогатеть стало существенно меньше, поляризация стала уменьшаться. Сейчас в обществе действительно растет неприязнь к сложившемуся неравенству и крепнет запрос на социальную справедливость. »

нансовых рынков, повышение качества образования.

— Глава Минэкономразвития Максим Орешкин недавно говорил, что проблема бедности в России сегодня важнее проблемы неравенства...

— До некоторых пор я полагал, что это верно, и не только в отношении России. Ведь можно легко представить себе общество, где все сыты, одеты и с крышей над головой, но при этом неравенство будет большим. В Голландии тоже есть неравенство, но нет бедности, если измерять ее по критериям Всемирного банка — никто не живет на \$1 или даже \$5 в день. Бедные голландские граждане являются богатыми людьми, по стандартам Индии. С этой точки зрения, неравенство меня не очень беспокоило, я предполагал, что это явление стоит главным образом оставить рынку.

И сейчас, если говорить о краткосрочной перспективе, я с министром согласен. Положение многих семей очень неблагоприятно, мы видим расцвет микрокредитования — люди берут деньги под огромные проценты, в том числе и для того, чтобы залатывать дыры в семейном бюджете. С другой стороны, меня волнует неравенство возможностей, которое существует в России и требует более длительного горизонта, чтобы с ним справиться. У нас внутри страны очень сильно различается качество школьного образования. Есть элитное образование и есть массовое, которое дает довольно ограниченные шансы на технологичную карьеру в будущем. Огромную роль играют личные связи. Эти и другие факторы формируют неравенство возможностей. Если с ним не справляться, то устойчивым экономическим ростом не будут охвачены значительные группы населения, а значит, бедность надолго останется чертой российской экономики. То есть фундаментально, неравенство может оказаться даже более важной проблемой, чем бедность.

Как мы видим сейчас на примере США, тут есть и другой повод для беспокойства: когда небогатые люди привыкают к отсутствию улучшения своего положения, в том числе в сравнении с другими когортами населения, они становятся более уязвимыми к популизму. Им можно посулить более высокие доходы в обмен на голос на выборах, а предложенные и затем реализуемые популистом меры могут оказаться разрушительными. Вполне возможно, что подобные процессы — это дополнительная причина, из-за которой стоит бороться с неравенством.

— Вернемся к примеру США. Удается ли Дональду Трампу преодолеть стагнацию медианных доходов американцев, недовольство которой, среди прочего, и привело его к власти?

— Среди предложений Трампа меня больше всего пугает идея вернуть в США сборочное производство. Рассчитывать, что от этого рабочих мест станет столько же, сколько было в начале 1980-х годов, — невозможно. Серьезная проблема для американских рабочих состоит не только в том, что рабочие места ушли в Мексику или Китай, а в том, что многие места были автоматизированы. Заводы могут вернуться в страну, но там будут работать не только рабочие, но и роботы. Но мое главное опасение состоит в том, что возвращение этих фабрик и заводов увеличит издержки производства — американские рабочие требуют совсем других зарплат. В результате американская продукция станет менее конкурентоспособной, что потребует ее защиты от импорта. Тарифная политика — симметричная мера: если пошлину введешь ты — ее введут и другие. Все это приведет к сворачиванию международной торговли.

— Что вы думаете о борьбе Трампа с мигрантами, которые отнимают у малообеспеченных американцев рабочие места?

— Мигранты вносят свой вклад в проблему стагнации доходов в США, но сравнительно небольшой. Лоренс Кац и Клаудиа Гудин, крупные специалисты по экономике труда, показали, что иностранная рабочая сила создает конкуренцию в слоях населения, занятых сравнительно простым трудом, но это не решающий фактор. Основная проблема в том, что в США есть недостаточно образованные когорты граждан. Успех этой страны в первые две трети XX века был связан с тем, что образование распространялось в среднем быстрее, чем в Европе. Начиная с конца 1970-х годов ситуация изменилась: его продолжила получать верхняя часть общества, в то время как среди остальных слоев населения эти процессы замедлились.

Многие из этих людей попали под удар технологического прогресса. Их рабочие функции состоят из хорошо понятных человеку алгоритмов, которые легко превратить в компьютерный код. Мы видим, например, как интернет-банкинг и банкоматы справляются с тем, чем раньше занимались банковские служащие. Переключиться на другую работу они, как правило, могут, только если это простой ручной труд, который пока недоступен для алгоритмов, — например, работа садовника или няни. В развитых странах таких людей становится больше, и их доходы не увеличиваются.

В то же время основным бенефициаром экономического роста последних 30 лет иммигранты жизнь едва ли усложняют. Если в XVIII веке богатые индивиды часто получали ренту, то сегодня «новая аристократия» — это те, кто может взаимодействовать с роботами, создает их, программирует, занимается менеджментом и, соответственно, выигрывает от автоматизирующего труд технологического прогресса.

— Значит ли это, что в долгосрочной перспективе нас ждет масштабное падение занятости?

— Технологический прогресс начался в последней трети XVIII века и продолжался с тех пор, но мы до сих пор не видим устойчивого снижения уровня занятости. Случался рост безработицы в переходные периоды, связанные со сменой технологий, но каждый раз людям удавалось поменять профессию — условно говоря, с извозчика на шофера. Если просто смотреть на опыт прошлого, то сейчас поводов для беспокойства нет. Другое дело, что технологические революции могут друг от друга отличаться. Нынешняя революция интеллектуальная, ее бенефициары — люди с хорошим образованием. Многие работы заменяются не другими рутинными функциями, а роботами. Возможно, без политических мер вроде введения базового дохода на этот раз обойтись не удастся.

Арнольд ХАЧАТУРОВ, «Новая»



Арнольд ХАЧАТУРОВ
ng.economy@yandex.ru

Сделайте бюджету одолжение!

Государство планирует вывести на рынок облигации для граждан

В апреле Минфин впервые выпустит облигации федерального займа (ОФЗ) специально для населения, рассказал на Российском инвестиционном форуме в Сочи министр Антон Силуанов. Так правительство рассчитывает привлечь «деньги из-под подушек» россиян, предложив им более выгодную альтернативу банковским депозитам. Вложить в новый инструмент можно будет от 30 тысяч до 25 млн рублей.

Говорить о «народных облигациях» в правительстве начали еще в 2015 году, но выпуск каждый раз переносили из-за невозможности договориться с банками — те требовали слишком высокую комиссию за размещение ценных бумаг. На этот раз Минфин настроен решительно, о чем свидетельствует появление на прошлой неделе проекта приказа об основных параметрах ОФЗ.

Объем первого выпуска облигаций номиналом в 1000 рублей и сроком обращения в 3 года составит 20 млрд рублей, ожидаемая среднегодовая доходность — 8,5%. Купонные выплаты будут происходить каждые полгода, причем для того, чтобы стимулировать население к среднесрочным инвестициям, ставка будет постепенно расти: с 7,5% сразу после покупки до 10,4% к концу периода обращения.

Закон не запрещает физическим лицам приобретать ОФЗ и сейчас, но для этого нужен брокерский счет или доверительное управление — очевидно, что большинство людей выберет обычный вклад в банке. После апрельского выпуска купить облигации можно будет в отделениях ВТБ24 или Сбербанка.

Хотя приобрести ОФЗ сможет любой резидент, перепродать их на вторичном рынке будет нельзя. Существует другой способ получить деньги до срока погашения — механизм досрочного выкупа бумаг государством. Но тут нужно быть внимательным: если срок владения бумагой составит меньше одного года, то накопленный купонный доход сгорит. Налогом доходы граждан от ОФЗ не облагаются.

«Я такие вложения (в ОФЗ — А. Х.) сделаю, чтобы убедиться, как этот инструмент работает», — сказал Антон Силуанов, выступая в Сочи. Кому из менее искушенных в финансовом деле людей может быть интересно это предложение?

По смыслу «народные» облигации идентичны банковским вкладам. Депозиты — самый популярный финансовый инструмент в России; в этой форме хранится подавляющая часть сбережений населения. Но ставки продолжают снижаться: как правило, сегодня крупные банки предлагают не более 8% годовых (по вкладам «до востребования» — 0,1%). Если в этом году Центробанку удастся удержать инфляцию на целевом уровне, то эта тенденция продолжится и дальше.

Кроме того, статус суверенной ценной бумаги означает минимальные риски для инвесторов — еще ниже, чем по депозитам в госбанке — и страховку средств без ограничений. Невыплата возможна только в случае дефолта государства, что в среднесрочной перспективе выглядит почти невероятным.

Банкирам, впрочем, пока не стоит беспокоиться из-за возрастающей конкуренции со стороны ОФЗ: на депозитах физлиц в России лежит более 23 трлн рублей, поэтому 20—30 млрд рублей в год погоды не сделают. Выпуск ОФЗ также не поможет решить проблему дефицита бюджета — рыночные заимствования государства в ближайшие время будут превышать 1 трлн рублей ежегодно.

«Народные ОФЗ» могут оказаться выгоднее банковских вкладов, но они ни в чем не выигрывают перед другими госбумагами, которые уже торгуются на рынке. Поэтому с точки зрения россиянина, у которых есть активы на фондовом рынке (а это, по разным оценкам, 3—5% населения), новация правительства ничего не изменит. Цель Минфина — привлечь на рынок внутренних заимствований все остальное население, повышая его финансовую грамотность. Тем более что для самого министерства это может послужить неплохой рекламой.

Многое, конечно, зависит от того, насколько продуманной будет информационная кампания по продвижению ОФЗ. Но выпуск облигаций правительства в любом случае наткнется на ряд препятствий — это и консерватизм вкладчиков, многие из которых помнят историю с российскими ГКО в 1998 году, и новейший экономический кризис, не очень располагающий к экспериментам с финансовыми инструментами.

УКОЛ ЗОНТИКОМ

Химическая лаборатория товарища Кима

Загадочное убийство наследника северокорейского престола заставило вспомнить об арсенале неядерного оружия массового поражения, которым владеет эта страна

Ким Чен Нам, старший брат единого правителя КНДР Ким Чен Ына, был убит 13 февраля с помощью загадочной химической смеси, которая лишила жизни потенциального претендента на северокорейский престол примерно за 20 минут. Вначале он был довольно бодр, внятно объяснял сотрудникам аэропорта, что ему чем-то плеснули в лицо. Затем уверенно пошел в поликлинику, еще не зная, что убит. Отложенная смерть надежно сработала позже, когда 46-летнего Ким Чен Нама везли в машине скорой помощи в госпиталь.

За это время участвовавшие в нападении две девушки, гражданки Вьетнама и Индонезии, легко скрылись с места преступления. И, главное, смогли исчезнуть следившие за операцией четверо северокорейцев, которых в Сеуле уже назвали профессиональными сотрудниками разведки КНДР. Убедившись, что план сработал, они немедленно вылетели в Джакарту и затем добрались до Пхеньяна через промежуточные остановки, включившие, как уверяет южнокорейская печать, Москву и Владивосток.

Сейчас уже арестованы обе напавшие на Ким Чен Нама девушки, которые уверяют, что ничего не знали: их, мол, просто наняли за гроши для съемок якобы в телевизионном шоу розыгрышей. Арестован их знакомый таксист-малайзиец, гражданин КНДР, имевший отношение, по мнению полиции, к убийству. Следствие требует явиться на допрос второго секретаря посольства Северной Кореи и сотрудника авиакомпании этой страны — оба они скрываются в дипломатической миссии.

Тем временем представитель полиции Малайзии сообщил, что Ким Чен Нам был убит составом на основе нервно-паралитического вещества «Ви-Экс», известного с 50-х годов прошлого века. В разных странах были накоплены немалые запасы «Ви-Экс» — в первую очередь в США и СССР. Сейчас они постепенно уничтожаются в соответствии с заключенной в 1993 году Конвенцией о запрещении химического оружия.

Северная Корея ее не подписала, однако, судя по всему, сильно продвинулась в создании таких веществ. Следствие, например, не понимает, почему не пострадали две арестованные девушки, которые нанесли на лицо Ким Чен Нама крайне токсичный смертоносный состав. Следы какого-либо чудодейственного антидота в их организмах пока не обнаружены — но, может быть, их плохо искали. Есть мнение, что для ликвидации потенциального наследника северокорейского престола использовался бинарный яд из двух компонентов, каждый из которых сам по себе не опасен. Короче, загадок остается немало, а убийство в аэропорту тропического Куала-Лумпура вновь напомнило о немалом химическом потенциале Пхеньяна.

В последнее время разговоры о нем как-то заглохли: больше внимания привлекали сенсационные ядерные взрывы в Северной Корее. Однако эксперты не сомневаются, что Пхеньян имеет существенный арсенал разнообразных химических вооружений и обладает

давно подготовленной промышленной базой для их производства.

КНДР официально этот факт отрицает, однако эксперты уверяют, что по запасам таких веществ она находится на третьем месте в мире после США и России. Например, американская НПО Nuclear Threat Initiative считает, что Пхеньян имеет от 2,5 до 5 тысяч тонн химического оружия. Большая часть этого арсенала, как полагают, приходится на нервно-паралитические вещества типа зарина и «Ви-Экс». По тем же экспертным оценкам, объемы могут быть в случае необходимости доведены до 12 тысяч тонн.

Химическое оружие часто называют ядерной бомбой бедняков: его относительно легко производить и применять. Пхеньян, например, имеет от 50 до 200 уже отработанных и готовых к запуску мобильных баллистических ракет «Нодон» дальностью 900—1500 км. Полагают, что северокорейские специалисты давно научились изготавливать для них 500-килограммовые боеголовки с тем же газом «Ви-Экс». Ими, например, вполне можно нанести удар по Токио, который пока отразить будет практически невозможно. К тому же некоторые эксперты полагают, что от-

« Пхеньян имеет от 2,5 до 5 тысяч тонн химического оружия. Большая часть вещества типа зарина и «Ви-Экс». Пхеньян имеет от 50 до 200 готовых к запуску ракет «Нодон» дальностью 900—1500 км »

граниченное применение химического оружия необязательно вызовет такой же массивный сокрушительный ответ со стороны США, как при использовании ядерных средств. Есть даже мнение, что ликвидация Ким Чен Нама с помощью «Ви-Экс» была и сигналом окружающему миру: у нас, мол, есть такие вещества, и эту карту мы в случае необходимости используем еще.

Уже ясно, что это сенсационное убийство будет иметь «химические» последствия. Лондон, например, уже потребовал от Малайзии представить в Совет Безопасности ООН данные о применении запрещенного «Ви-Экс». Полиция этой страны немедленно заявила, что готова это сделать в ближайшее время, ведь речь идет о том, что агенты КНДР использовали одно из самых страшных боевых отравляющих веществ в аэропорту, наполненном пассажирами.

Василий ГОЛОВНИН,
завбюро ТАСС в Японии, —
специально для «Новой»

Почему политкорректность привела к триумфу паталогических лжецов и чему британской полиции стоит поучиться у российских судов



Юлия
ЛАТЫНИНА

обозреватель
«Новой»

Событие, вынесенное в заголовок, — не шутка. Полиция графства Уилтшир расследует дело против бывшего премьер-министра Великобритании сэра Эдварда Хиса. Он подозревается ни больше ни меньше, как в участии в сатанинских оргиях, в ходе которых участники насильничали детей, убивали их и поедали плоть. Обвинения являются «полностью убедительными» и «на 120 процентов достоверными», — публично утверждает глава уилтширской полиции констебль Майк Вил.

При этом английский экс-премьер является не единственным педофилом, который, по мнению английской полиции, убивал и насильничал детей. Подозреваемыми в предыдущей серии были кроме экс-преьера также экс-министр внутренних дел Леон Бриттан, экс-министр обороны лорд Брамалл, экс-глава МИ6 Морис Олдфилд, экс-глава МИ5 сэр Майкл Ханли, генерал сэр Хью Бич, член палаты пэров лорд Яннер и экс-депутат от тори Харви Проктор — единственный оставшийся на сей день в живых член сатанинско-педофильской секты.

Необыкновенная эта история началась в декабре 2014 года, когда представитель Скотленд-Ярда на пресс-конференции публично объявил, что расследует дело об убийстве трех маленьких мальчиков *vir*-педофилами.

В марте 2015 г. начались обыски: полицейские команды, насчитывавшие до 60 человек, перевернули вверх дном дома лорда Брамалла, Бриттана и Проктора. Информация об обысках щедро сливалась прессе. Дом, в котором жила вдова экс-главы МВД, был обыскан через шесть недель после смерти ее мужа. Обыск в доме лорда Брамалла состоялся тогда, когда 92-летний участник высадки в Нормандии ухаживал за своей страдающей старческим слабоумием женой.

Обвинения против всех этих людей строились на показаниях одного-единственного человека, который до сих пор известен публике только под псевдонимом «Ник».

«Ник» рассказал полицейским ужасающие вещи. Он рассказал, что, когда он был маленьким мальчиком 7 лет, его отец-педофил сначала изнасиловал его, а потом сдал в аренду группе высокопоставленных педофилов, занимавших высшие посты в правительстве и спецслужбах. «Ник» утверждал, что в течение девяти лет он находился в сексуальном рабстве и даже был свидетелем зверских убийств.

На основании этих сведений полиция запустила операцию под названием Midland, в которой участвовало несколько сот детективов и которая обошлась налогоплательщикам в 2 млн фунтов стерлингов.

Проблема заключалась в том, что в результате операции Midland все эти леденящие душу рассказы не подтвердились. Результат операции Midland — ноль. Не нашлось жертв. Их просто не было.

Выяснились зато некоторые другие вещи. К примеру, по словам сводного брата «Ника», тот с детства был паталогическим лжецом. Выяснилось, что его ра-

зоблачения были не совсем бескорыстны. Под сетевым псевдонимом Carl Survivor «Ник» вел блог, на котором рассказывал о своих страданиях и собирал деньги для жертв сексуальных злоупотреблений.

Откровенно говоря, Скотленд-Ярд мог бы проверить все эти обстоятельства, включая отсутствие мальчиков, до того, как поднимать шумиху. Однако Скотленд-Ярд поступил наоборот. В ноябре 2014 года «Ник» пришел в полицию, а уже в декабре 2014 г. Скотленд-Ярд, не пытаясь проверить ничего из изложенного «Ником», провел громкую пресс-конференцию, в ходе которой один из руководителей операции Midland детектив-суперинтендант Кенни МакДональд заявил: «С «Ником» разговаривали опытные офицеры из команды по насилию над детьми и команды по расследованию убийств, и они, и я полагаем, что то, что «Ник» рассказывает, является достоверным и правдивым».

Только после этой пресс-конференции последовали обыски и допросы. 92-летнего лорда Брамалла, героя высадки в Нормандии, детективы, к примеру, допрашивали, умеет ли он плавать. По их мнению, это должно было служить доказательством, что он действительно принимал участие в описанной «Ником» секс-оргии, которая происходила в бассейне.

Каким образом, вместо того чтобы проверить показания паталогического лжеца, побивавшегося в Сети под лозунгом «Подайте жертве насилия», Скотленд-Ярд собрал пресс-конференцию, на которой еще до суда объявил обвинения «достоверными и правдивыми»?

Все началось после смерти знаменитого британского диджея и телеведущего Джимми Савилы. Слухи о педофилии Савилы ходили еще при жизни: он даже судился с газетой Sun. А 3 октября 2012 года компания ITV показала документальный фильм о Савиле-педофиле. Жертвы, проинтервьюированные в фильме, жаловались не только на Савилу, но и рассказывали о потрясающем бездушии, с которым полицейский аппарат относился к их жалобам.

Фильм упал на хорошо подготовленную почву. Левая пресса и до этого подозревала полицию в потакании истеблишменту. Теперь эти подозрения превратились в шквал критики. Инструкции полиции поменялись на 180 градусов. По итогам деятельности Савилы началась операция Yewtree, в ходе которой под подозрение попали десятки знаменитостей. От Yewtree отпочковалась уже упоминавшаяся Midland. От нее же отпочковалась операция Hydrant.

По мере разрастания скандала число обвиняемых росло и росло. Каждый день в полицию приходили люди с новыми обвинениями. Иногда это были настоящие жертвы. Иногда это были люди, страдающие синдромом Мюнхгаузена.

В полиции не отказывали никому: правила политкорректности предполагали, что каждый, кто обвиняет известного или влиятельного человека в насилии, есть несчастная жертва, а полицейский, который усомнится в словах этой жертвы, есть сексист и скрытый фашист.

Очень быстро такая ситуация понравилась и самим полицейским. Внутри британской полиции сформировалась влиятельная группа интересов, которую пьянило новое чувство всеислия. Для этих людей весь мир был неразоблаченными педофилами. Они с удовольствием сливали в прессу известия о будущих обысках и расследовали преступле-

Как «аглицкий» премьер мальчишков кушал



Эдвард Хис

Reuters

« Даже самая безупречно работающая правовая система всегда стоит в одном шаге от ГУЛАГа »

ния посредством пресс-конференций. Им хорошо было известно, что достаточно дать пресс-конференцию, на которой ту или иную знаменитость обвиняли в педофилии, как тут же среди телезрителей найдется несколько человек, которые вспрыгнут на подножку.

Расследование путем пресс-конференций было системным приемом. Английские детективы хорошо знали законы возникновения ментальных эпидемий.

И если «жертве» закон обещал анонимность (мы до сих пор не знаем настоящего имени «Ника»), то имена обвиняемых еще до предъявления официальных обвинений становились известны публике. Причем последующее снятие обвинений уже мало могло помочь растоптанной репутации.

После громкого провала операции Midland судья Верховного суда Великобритании сэр Ричард Хенрикес провел расследование новых принципов обвинений в домогательстве. Его отчет был представлен 31 октября 2016 г.

Большая часть этого отчета до сих пор является секретной, но даже те части, которые опубликованы, леденят душу. За бесстрастным и очень вежливым тоном сэра Ричарда Хенрикеса скрывается сокрушительная критика процесса рассле-

дования, который нарушал самые базовые начала правосудия.

К примеру, судья Хенрикес отметил, что во всех документах операции Hydrant офицеры не использовали слово «истец», а использовали слово «жертва», тем самым заведомо признавая утверждения «жертвы» справедливыми. Сэру Хенрикесу это показалось странным, ибо процесс расследования в том и состоит, чтобы выяснить, является ли податель жалобы жертвой.

Сэр Хенрикес также был шокирован, узнав, что внутренние циркуляры Скотленд-Ярда предписывали относиться к любому обвинению в любом сексуальном домогательстве, имевшем место сорок лет назад, как к абсолютной правде. «В тот момент, когда кто-то выдвигает обвинение в преступлении, полиция должна верить его сообщению и составить отчет о преступлении», — гласили они.

Сэру Хенрикесу это показалось заведомой предвзятостью в пользу одной из сторон. В самом деле, ведь если вы с первого момента верите любым словам «жертвы», то это автоматически означает, что вы не верите оправданиям того, кого она обвиняет.

Суть выводов сэра Хенрикеса заключалась в том, что во всех этих расследованиях английская полиция начала

вести себя, как инквизиция. «Жертва» имела возможность выступать с любыми обвинениями, не указывая ни дат, ни обстоятельств, ни места совершения преступления. Обвиняемый по определению не имел возможности оправдаться в том, что много лет назад он не совершил в неустановленном месте в неустановленное время развратных действий с «жертвой».

Достаточно было стать мало-мальски известным человеком, чтобы привлечь к себе внимание «жертвы». Именно такова была, к примеру, судьба 66-летнего Дэвида Брайанта. Его обвинитель, некий Денни Дей, прочел в газетах, что Брайант стал главным пожарным графства Дорсет. Этого было довольно: на следующий день Брайанту пришло угрожающее письмо, в котором Дей напоминал о себе и обещал, что Брайант за все заплатит. Брайант имел неосторожность обратиться в полицию. Дей задержался. Тот в ответ рассказал, что в некий период, с 1976 по 1978 год (Дей точно не помнил, когда произошло это судьбоносное в его жизни событие), Брайант и его напарник звали Дея на пожарную станцию и зверски изнасиловали.

Полиция, а затем присяжные наши показания Дея совершенно убедительными и дали гнусному насильнику Брайанту пять лет. Брайант имел глупость обжаловать приговор. Ему вкатили восемь с половиной. Ликующий Дей раздавал интервью, отказавшись даже от привычной в таких случаях для истцов анонимности.

Погубила Денни Дея исключительная наглость: он не только посадил Дэвида Брайанта, но и подал к нему гражданский иск на сумму в 100 тыс. фунтов стерлингов, утверждая, что душевная травма лишила его карьеры в спорте. «Если бы не изнасилование, — утверждал Дей, — он бы участвовал в 1984-м в Олимпийских

играх, ибо он имел «боксерские результаты лучшие, чем Мохаммед Али».

Детективам, нанятым супругой Брайанта, удалось доказать, что Денни Дей не только не имел никакого шанса на участие в Олимпиаде, но и вообще никогда не ступал ногой на боксерский ринг. Кроме того, как выяснилось, с 2000 по 2010 год он наблюдался у психиатра. Диагноз, поставленный ему, звучал так: «патологический лжец».

Казалось бы, доклад сэра Ричарда Хенрикеса должен был бы привести к радикальному пересмотру сложившейся инквизиционной практики, однако все случилось с точностью до наоборот. Руководители благотворительных организаций, специализирующихся на помощи жертвам насилия, сообщили, что любая попытка проверить слова бедных жертв приведет к тому, что они испугаются обращаться в полицию, и сильные мира сего останутся безнаказанными.

Руководитель провальной операции Midland Стив Вудхаус отказался извиняться перед скончавшимися в ходе его скандального расследования Леоном Бриттаном и лордом Брамаллом. «Не думаю, что я или какой-нибудь другой сотрудник операции Midland сделал что-то неправильно», — заявил он. Обвиняемых — или их наследников — так и не уведомили о том, что они стали жертвой ложных обвинений. Официальная формулировка гласила, что полиция «не смогла собрать достаточных доказательств».

А недавно полиция анонсировала продолжение банкета: шеф полиции графства Уилтшир Майк Вил объявил о новом обвинении против покойного экс-премьера. На этот раз обвинителем сэра Хиса является не дискредитированный «Ник», а некая группа женщин, которая утверждает, что покойный премьер состоял ни больше ни меньше, как в сатанинской церкви. Члены этой церкви насиловали детей, а также убивали и ели, и съели они их аж шестнадцать штук.

Тот факт, что шеф уилтширской полиции не смог за восемь месяцев расследования, стоившего налогоплательщикам еще 800 тыс. фунтов стерлингов, обнаружить ни одного из шестнадцати пропавших младенцев, не помешал ему назвать обвинения «на 120 процентов достоверными».

Примечательно, что эта ментальная эпидемия, в ходе которой английская полиция начала превращаться в филиал инквизиции, произошла не в ходе поиска врагов народа, ведьм или еретиков. Она произошла из-за самых благих намерений: в ходе крестового похода против коррумпированного истеблишмента, сексизма и педофилии. Союз патологических лжецов с полицейскими, ощутившими запах всемогущества, не состоялся бы, если бы не атмосфера тотальной политкорректности, которая потребовала вышвырнуть на свалку истории все старые буржуазные понятия вроде «презумпции невиновности».

История о том, как «аглицкий» премьер безнаказанно кушал мальчишков, напоминает нам, что даже самая безупречно работающая правовая система всегда стоит в одном шаге от ГУЛАГа.

Единственное, что можно пожелать констеблям Майку Вилу и Стиву Вудхаусу, так это повнимательнее изучить правоприменительную практику коллег из России: после этого и съеденные младенцы найдутся, и даже показания по скайпу с того света дадут.

В этом году мы приняли решение — возродить специальную вкладку «Правда ГУЛАГа». Современная система ФСИН так и не утратила кровной связи с порядками советской машины репрессий, а в последние несколько лет возрождает их ударными темпами. И наша вкладка из исторической превратилась... в актуальную. Цель, с которой мы ее делаем, осталась прежней: ГУЛАГа в современном мире быть не должно.

В прошлом номере мы начали публикацию «Хроники ФСИН» — сериала Елены МАСЮК, обозревателя «Новой газеты», члена Совета по правам человека при президенте России. Сегодняшний рассказ — о том, как агент ФСБ был этапирован на зону, где его жизни угрожает реальная опасность из-за конфликта с криминалом.



Елена
МАСЮК
обозреватель
«Новой»

«Хроники ФСИН»

Агент Абдрахманов

Григорий Сморкалов —
бывший оперативный
сотрудник СИЗО-4 г. Москвы



Андрей Бойко — сотрудник
ОСБ УФСИН по Москве

Россия сегодня занимает третье место в мире (после США и Китая) по количеству заключенных. На 1 февраля 2017 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы (а это в том числе 716 колоний, 126 колоний-поселений, 6 колоний для отбывающих пожизненный срок, 217 СИЗО, 8 тюрем, 24 колонии для несовершеннолетних) содержалось 626 282 человека. Среди основных задач ФСИН есть и пункт об «обеспечении охраны прав, свобод и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей». А вот с этим у ФСИН всегда были большие проблемы. И чем больше служба исполнения наказаний становится закрытой, тем чаще там нарушаются права заключенных, и тем больше там совершается преступлений. Если еще в прошлом году руководство ФСИН пыталось сотрудничать с СПЧ и с другими правозащитными организациями, и даже благодарило правозащитников за выявленные ими нарушения прав заключенных, то теперь фсиновские начальники взяли жесткий курс на конфронтацию: СПЧ в колонии и тюрьмы более не пускают; на жалобы заключенных грозятся подать в суд за клевету. Да и еще вдобавок ко всему осенью прошлого года Общественная палата России фактически уничтожила ОНК в 42 регионах России, назначив туда в основном далеких от правозащиты и одновременно лояльных ФСИН граждан. Тем не менее полностью скрыть то, что происходит в российских тюрьмах и колониях, — ФСИН все равно не удастся. Итак, продолжение хроники ФСИН.

Из показаний осужденного Ильдара Абдрахманова, свидетеля по уголовному делу, возбужденному по ст. 111 («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»), ст. 286 («Превышение должностных полномочий»), ст. 290 («Получение взятки должностным лицом»), ст. 210 («Организация преступного сообщества») УК РФ по фактам преступлений, совершенных на территории СИЗО-4 «Медведь» (г. Москва). (Расследованием этого уголовного дела занимается 2-е управление по расследованию особо важных дел (преступления против государственной власти и в сфере экономики) ГСУСК по Москве):

«После моего поступления в СИЗО-4 (г. Москва) в апреле 2015 г. примерно через 4–5 дней меня отвели в кабинет, расположенный в третьем корпусе, к оперативному сотруднику, который представился Рusanовским Юрием. Он стал интересоваться моим местом работы и материальным положением до задержания. Рusanовский заявил, что моя безопасность во время содержания в СИЗО будет стоить денег, а именно 15 000 рублей в месяц. Также он сказал, что в случае моего отказа ежемесячно платить указанную сумму, мне будет угрожать опасность, сказал также, что меня могут больше не найти.

Я воспринял его слова как реальную угрозу, и, испугавшись за свою жизнь и здоровье, согласился на указанные им условия. Затем Рusanовский по памяти написал на бумажке номер карты Сбербанка, на который в первый месяц надо было перевести 20 000 рублей, а потом каждый месяц по 15 000 рублей. Также Рusanовский дал мне мобильный телефон, с которого я позвонил своей жене и сообщил, что необходимо перевести денежные средства на указанную карту. После этого моя жена пошла в ломбард, сдала туда свое золотое кольцо, получила за него около 30 000 рублей, и в этот же день перевела деньги на карточку, указанную Рusanовским. Еще через несколько дней Рusanовский привел меня к себе в кабинет, где сообщил, что деньги он получил, и что я могу не беспокоиться за свою жизнь и здоровье. Также он сказал, что в следующем месяце деньги нужно положить на счет мобильного телефона, номер он написал на листке. Также Рusanовский дал мне в пользование мобильный телефон «Нокиа» самой простой модели. Вернувшись в камеру, я взял у сокамерников симкарту и позвонил своим друзьям, чтобы они пополнили счет мо-

бильного телефона, с которого я звонил. Несколько раз они пополнили счет, а я, в свою очередь, переводил деньги на счет номера мобильного телефона, который мне написал Рusanовский. Затем примерно в июне-июле 2015 г. Рusanовский опять привел меня в свой кабинет и спросил, не желаю ли я приобрести мобильный телефон с возможностью выхода в сеть «Интернет». Я сказал, что хочу купить такой телефон. На это Рusanовский сказал, что мои друзья или родственники должны купить такой телефон, передать ему, а он занесет его мне в камеру. За свои услуги Рusanовский потребовал передать ему 25 000 рублей.

Из камеры я позвонил своей сотруднице Юлии М. и передал требования Рusanовского. М. приобрела смартфон за 5000 рублей, после чего встретилась с Рusanовским и передала ему указанный смартфон и деньги.

Юлия М.: «Он мне позвонил и говорит: «Я Юра. Я работаю в СИЗО-4. Вы в курсе, что мы с вами встречаемся? Вы подготовили? Вам говорили, что надо купить телефон?» Я говорю: «Да». Он говорит: «Ну все, давайте встречаемся».

Телефон стоил в районе 6 тысяч, моему, «Хайскрин». Я отдала ему телефон в пакетике из-под «Макдоналдса». Я как раз поела, думаю: «Вот передам ему, чтобы аккуратноенько». Встретились на метро «Щукинская». Он был один. Все забрал. Не проверял ничего, просто забрал. Там зарядка была, он говорит: «Нет, зарядку не надо». Я еще не поняла, думаю: «Странно». То есть он говорит: «Дай просто телефон, и все». Я сложила и отдала. Это было где-то в августе-сентябре 2015 года. Кроме телефона, я ему еще деньги отдала, по-моему, 10 тысяч. Забрал это все и ушел. На вид ему около 35, плюс-минус. Я точно помню, как он выглядит. Если мне его показать, я узнаю».

Из показаний осужденного Ильдара Абдрахманова: «Еще 7000 рублей я перевел со своего мобильного телефона на телефон, указанный Рusanовским. Однако в дальнейшем Рusanовский смартфон мне так и не передал. В связи с этим я несколько раз разговаривал с ним, при этом я требовал, чтобы он либо отдал телефон, либо вернул денежные средства. На это Рusanовский, который в это время находился в отпуске, отвечал, что передал указанный телефон другому оперативному сотруднику — Сморкалову Григорию, и что последний должен отдать мне телефон. Через некоторое время меня вызвал Сморкалов и сказал, что Рusanовский отдал ему мобильный телефон и Григорий

СПРАВКА «НОВОЙ

Ильдар Абдрахманов, предприниматель, агент УФСБ по Москве и Московской области, линия работы — незаконный оборот наркотиков (НОН) на территории Москвы и Московской области, и противодействие коррупции в рядах сотрудников МВД. По словам Абдрахманова, его куратором является сотрудник контрразведки на транспорте (СКРОТС) Сударев Алексей Викторович (Управление по контрразведывательному обеспечению транспорта УФСБ по Москве и Московской области).

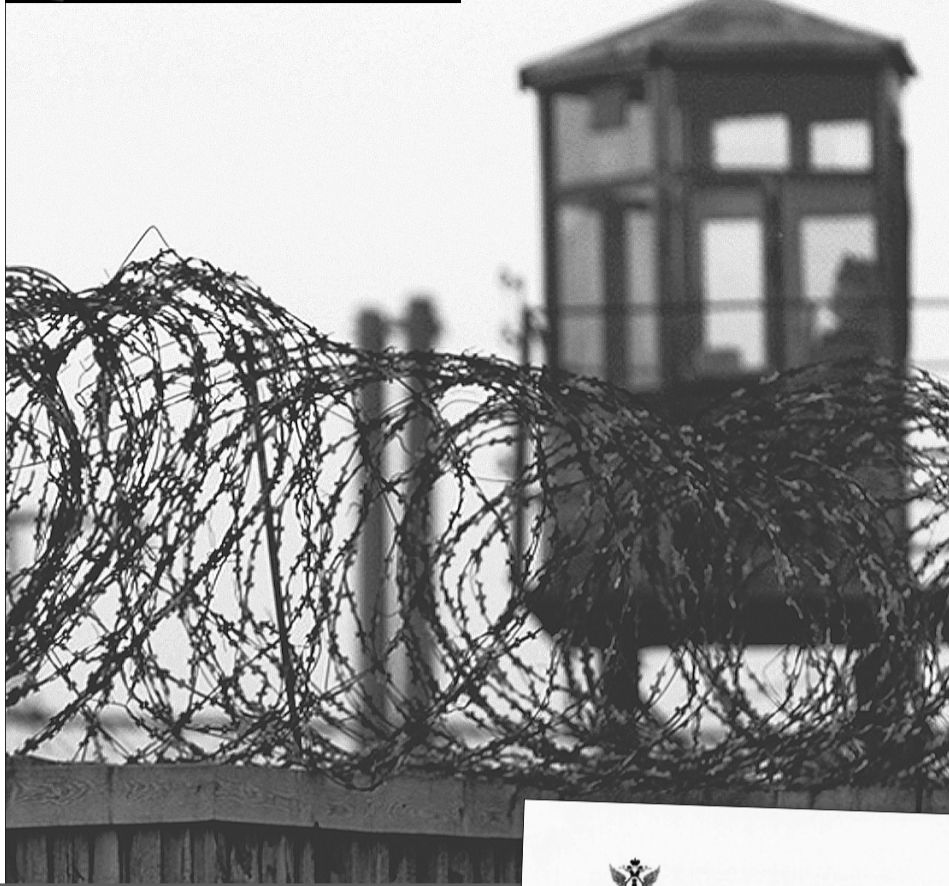
В 2016 г. Ильдар Абдрахманов осужден по ч. 3, ст. 163 (вымогательство) УК РФ, срок — 7 лет строгого режима.

в ближайшее время мне его отдаст. Но в итоге телефон мне так никто и не отдал. Я еще несколько раз звонил Рusanовскому и требовал вернуть деньги либо телефон. После этого меня вызвали в оперчасть сотрудники Ксенафонтов Александр и Сморкалов Григорий и в категорической форме сказали мне, чтобы я больше не поднимал вопрос о возврате Рusanовским денег или мобильного телефона. При этом они заявили, что, если я еще раз позвоню Рusanовскому по этому поводу, мне будет хуже. Эти слова я воспринял как угрозу и больше Рusanовскому не звонил».

«Это спецзаказ!»

Заключенный Ильдар Абдрахманов, находясь в московском СИЗО-4, неоднократно рассказывал членам ОНК Москвы о творящемся беспределе в изоляторе: в том числе об избивании заключенных и вымогательстве у них денег как со стороны тюремщиков, так и со стороны криминалитета. За это тогдашний положенец изолятора Евгений Рожков (Рожок) включил Ильдара Абдрахманова в «воровской прогон», в котором называлось несколько фамилий заключенных. При первой встрече всем арестантам предлагалось избивать этих людей и унижать. В связи с наличием «воровского прогона», СИЗО-4 в той или иной степени обеспечило Абдрахманову безопасность, но после вступления приговора в законную силу Абдрахманов должен этапировать к месту отбытия наказания.

Ильдар Абдрахманов: «Меня вызывает наш опер и спрашивает: есть ли у меня



знакомые в московской управе (УФСИН по Москве. — Е. М.)? Я сказал: «Нет, а в чем дело?» Он сказал, что Машкину (Владимир Машкин, начальник СИЗО-4. — Е. М.) звонили очень серьезные люди с Мосусправы и что-то происходит. Он спросил: «Ты писал кому-нибудь про «прогон» от Хобота?» (Хобот — Андрей Вознесенский, «вор в законе». Находился в СИЗО-4 вместе с положенцем Рожком. Вознесенский в беседах с членами ОНК Москвы отрицал свою причастность в вышеуказанном «воровском прогоне»). — Е. М.) Я сказал: «Нет». И он говорит: «Все-таки раскачалась эта тема! Я не понял сначала, про что он. Он достал лист бумаги и продиктовал текст. На имя Машкина, что «ставлю вас в известность, что у меня возникла конфликтная ситуация с «вором в законе» Хоботом, он же Андрей Вознесенский. Число, подпись». И он ушел. Через 20 минут меня заказали на этап.

А этап — в Кострому! Ровно туда, где сидит Хобот, в ИК-1 строгого режима в Костроме. То есть с наличием моего заявления и с тем, что адвокат тоже отправил в СК и во ФСИН обращения, что мне необходимо обеспечить безопасность, один хрен, туда, в Кострому.

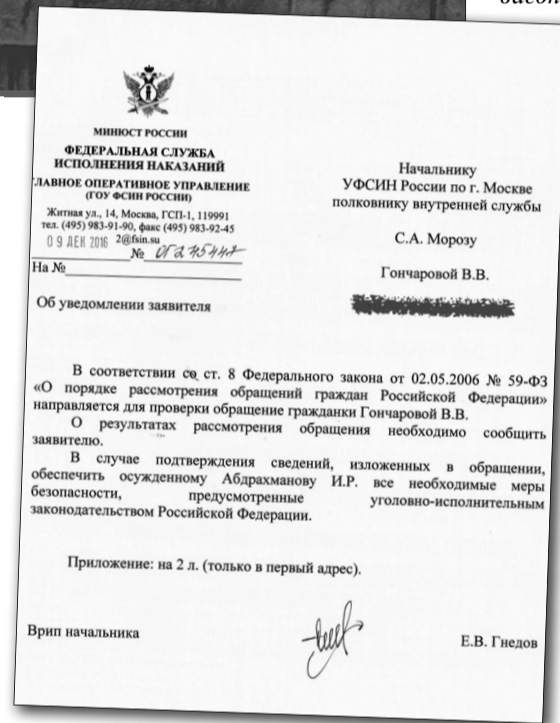
Ведь это подстава, что меня отправили в колонию к Хоботу. Это спецзаказ! Это месть за все. За то, что изболел у блюдоков. А теперь воюешь и с ОСБ (отдел собственной безопасности. — Е. М.) УФСИН. Если бы я туда приехал, мне бы там не поздоровилось на 200 процентов. Я уверен: это специально сделало московское управление.

Раньше-то мы думали, что Хобот ни при чем, что все это Рожок делал, а Хобот не при делах, он в изоляции, но сейчас выяснилось, что на его счета тоже деньги переводились.

Кстати, Хобота в колонию в Кострому отвезли лично опер СИЗО-4 Хамзат. Он курировал его этап. Это единственный, кто остался из старой бригады (после серии статей в «Новой газете» о СИЗО-4 там сменился практически весь состав сотрудников. — Е. М.). Он с Хоботом тесно общался, все телодвижения делал, любые: сходить, принести, отдать — все что надо».

Этап на Кострому

Ильдар Абдрахманов: «Сейчас расскажу про этап на Кострому. Я написал заявление про угрозу жизни в пятницу вечером прямо перед отбоем, а сразу после отбоя, в начале одиннадцатого, заходят ко мне в камеру и говорят: «Этап». Я спрашиваю: «А во сколько этап?» Они: «В



шесть. Но мне сказали тебя забрать через 10 минут». Это, видимо, чтобы я не успел никому сообщить. Спустили вниз на сборку. То есть всю ночь, с половины одиннадцатого вечера до шести утра, я был на сборке. Там не то что лечь — сесть не на что. Там все заплевано, облевано. Просто стоял всю ночь. Обычно на сборку до этапа спускают за 3 часа, а тут меня почти 10 часов на сборке продержали.

В шесть утра мы поехали на Ярославский вокзал. До Ярославля ехали около 5 часов. Мне дали один сухпак, ну я его в поезде чуть-чуть съел. Конвой нам сказал: «В пайке есть рагу, не ешьте, вас сейчас пропоносит, а мы гонять не будем, чтобы в туалет вывели». Естественно, всё дают холодным, ничего не подогревается. Когда в суд едешь по Москве, тот же самый сухпак дают. Курица, рагу, печень и рис. И тоже потом от этой еды в туалет бегаешь. Это установленный факт. Упаковывают эти сухпайки в Рязани на лагере, а производством ФКУ ИК-11 ГУФСИН России по Нижегородской области.

Как прибыли в Ярославль, сразу повезли в Ярославское СИЗО № 1, это от станции 10 минут. Приехали туда, а там начали народ — человек 30 — избивать, который вместе со мной по этапу приехал. Из-за чего били? Да просто любое слово скажешь, сразу начальник зовет: «Часовой!» Такая дура бежит в бронжилете с дубинкой, и всё, сразу дверь закрывают и начинают: бах-бах-бах. Били по всем местам без разбора.

Я стоял на улице у окошка дежурки. Через окошко мне было видно, что подошел майор, сразу забрал мое дело

и ушел с ним куда-то. Меня последним заводят, майор говорит: «Прошмонайте его». Ну, прошмонали и запихнули меня в общую сборку со всеми, то есть с блатными. Начали фотографировать. Я выхожу, говорю: «Слушайте, я «красный» (т.е. сотрудничающий с администрацией. — Е. М.), там другой сборки нет?» — «Нет, — говорят, — другой нету, у нас здесь все вместе, просто ты им не говори, что ты «красный».

Потом открывается дверь, стоит какой-то сотрудник, майор, Константиныч, как он сказал, и говорит: «Позвонили люди, наши кураторы в ФСБ. Сейчас они приедут». Приезжают два человека в штатском. Один говорит, что он замначальника управления ярославского, а другой говорит, что он начальник ОСБ, Юра, по-моему. Говорят: «У тебя все в порядке? Короче, через час приходит машина, ты едешь обратно». А везли меня именно в Кострому. На моем деле лист наклеен, и там написано: «Конечная — Кострома».

Все, через час-полтора приехала машина, меня одного погрузили, до «столыпина» (то есть в специальный вагон для перевозки подсудимых и осужденных. — Ред.) довели. И во всем «столыпине» я один ехал. Там столько вопросов было у конвоя. Они же дело смотрят и не понимают, что происходит: только сутки назад поехал — и вдруг обратно...

Привезли обратно в СИЗО-4, а там уже началось... Приходит дежурный помощник изолятора на сборку. «А чего ты, — говорит, — приехал? Чего ты вернулся?»

И меня обратно в мою камеру. Машкин, начальник изолятора, пришел с утра на проверку, говорит: «Чего блатные тебя обратно притащили?» Я говорю: «Я не знаю, кто меня притащил».

Через пару дней. Бойко (Андрей Бойко, сотрудник ОСБ УФСИН по Москве. — Е. М.) вызвал меня в адвокатский кабинет. Но он не спрашивал меня, я ничего не писал, он просто начал задавать мне вопросы. То есть не допрос, не опрос, не под подпись, просто поговорил. Знаете, как он начал разговор? «Что ты здесь делаешь? Ты знаешь, что ты здесь находишься противозаконно? Прямо конкретно с претензией мне. Сказал, что я должен быть в Костроме, и как так получилось, что я оказался опять здесь. Я говорю: «Я не знаю, как так получилось». Мне Бойко говорит: «Чего ты не сказал на сборке, что тебе нельзя в Кострому, скандал не поднял?»

Что за глупости, какой скандал я буду поднимать, что за бред! «Нам сразу позвонили бы, сказали, мы бы тебя сразу сняли с этапа...» — сказал мне Бойко. Я говорю ему: «Представляете, я еду в поезде, дергаю стоп-кран, разворачиваю и еду домой. Ну как я могу что-то решать, если я экз?» Мне сказали: «Садись сюда, садись сюда, вот я и езжу».

Бойко все продолжал махать шашкой и кричал, что он обязательно выяснит, как так произошло, кто давал кому какие приказы, и он накажет всех, и все будут сидеть. Я говорю Бойко: «А смысл, зачем вы меня вообще вызывали? Давайте на будущее определимся: любые телодвижения, если хотите со мной поговорить, увидеть меня, — это все через адвоката».

А про Хобота он сказал, что якобы с ним был разговор по поводу меня, и он сказал, что типа претензий не имеет. Я говорю: «А где это отображается? Как это можно проверить? А, во-вторых, как бы масса, то есть заключенные, вообще об этом знают? Он мне так и не ответил. Но стал объяснять мне, что то, что сейчас расследуется уголовное дело по СИЗО-4, — это все благодаря ему, что он все это раскачал. Я говорю: «Вам самому-то не смешно? Ну и все. Он ушел».

Итак, УФСИН по Москве, зная, что заключенному Абдрахманову крайне опасно находиться в одной колонии с вором Хоботом, специально отправляет его именно в это исправительное учреждение. Предположить, что это случайность, невозможно. Повторюсь, члены ОНК Москвы, адвокат и сам Абдрахманов неоднократно обращались с заявлениями о предоставлении заключенному Ильдару Абдрахманову безопасного условия содержания. Вот, к примеру, фрагмент моего разговора с заместителем директора ФСИН РФ Валерием Максименко:

«Гарантирует этот наш руководитель второй (имеется в виду первый заместитель директора ФСИН РФ Анатолий Рудый. — Е. М.) То есть мы с Бояриновым (Валерий Бояринов, заместитель директора ФСИН РФ. — Е. М.) ничего не можем пока сделать. Но тот (Рудый) гарантирует, что все меры предпримет и что ничего угрожать не будет. Я, если честно, не совсем понимаю, как это, но вот что делать, мы с Бояриновым еще пока не понимаем просто, что сделать-то.

— А как он (Рудый) может это гарантировать?

— Да вот я тоже сам думаю, как. Вот ну как?

— Ну, его (Абдрахманова) убьют, и тогда куда эта гарантия пойдет?

— Вот другой вопрос. Я тогда буду докладывать руководителю просто, попаду к нему на прием и тогда ему доложу этот вопрос».

Итак, в пятницу вечером Абдрахманова этапом отправили в Кострому, в воскресенье он вернулся в СИЗО-4, но уже в следующую субботу его этапировали в Мордовию. И вновь выбор неслучаен и очень опасен для Абдрахманова.

«Мордовия. Меня шлепнут, господа, к кому же обратиться за помощью. Хаджикурбанов там же, в Мордовии», — сообщает своему адвокату Ильдар Абдрахманов.

Сергей Хаджикурбанов — бывший оперуполномоченный УБОП МВД РФ. В июне 2014 года Мосгорсуд признал его организатором убийства Анны Политковской и приговорил к 20 годам колонии строгого режима. Сейчас он отбывает наказание в ИК-5 в Мордовии.

Именно Хаджикурбанов, находясь в одной камере с Абдрахмановым в СИЗО-4 и используя свои связи в МВД, выяснил, что Абдрахманов является агентом ФСБ. Хаджикурбанов, по словам Абдрахманова, избил его и сообщил сокамерникам, что тот работает на ФСБ, тем самым поставив жизнь Абдрахманова под угрозу. После этого разоблачения Ильдара Абдрахманова срочно переводят в другую камеру.

И тут вдруг его отправляют в Мордовию. И вновь случайным совпадением это быть не может. Вначале — Кострома, где сидит вор Хобот, а теперь в Мордовию, к Хаджикурбанову. Все просьбы адвоката и правозащитников этапировать Абдрахманова в другой, безопасный для него регион, ФСИН проигнорировала. Вот еще один фрагмент моего разговора с заместителем директора ФСИН РФ Валерием Максименко:

«Мы с Бояриновым все никак не доделаем это дело, потому что отвечает-то у нас Анатолий Анатольевич (Рудый). Вот сейчас с Бояриновым пытаемся поменять ситуацию».

Ильдар Абдрахманов: «То, что меня в Мордовию этапировали, — это работа Бойко. После того, как меня забрали на этап на Мордовию, это именно он отправил моему адвокату издевательскую эсэмэску: «Ильдарка уезжает».

На днях приходил опер, который здесь, в колонии в Мордовии работает, просил написать заявление, что у меня в колонии все о'кей. Я отказался писать, так как есть угроза...»

В РПЦ полагают, что ученые занимают здание «религиозного назначения». Сотрудники НИИ пребывают в растерянности: 80 лет назад это здание было построено специально для института. Более того, в случае выселения

из здания, оснащенного дорогостоящим и высокотехнологичным оборудованием, — многолетние научные разработки окажутся под угрозой. Но РПЦ настроена бескомпромиссно.

История спорного здания корнями (точнее — фундаментом) уходит в глубь веков.

В XIX веке в районе нынешней станции метро «Красносельская» (тогда — Красное село) располагался Алексеевский женский монастырь: в 1837 году его перенесли сюда из самого центра столицы, освободив место для строительства храма Христа Спасителя. Владения монастыря включали четыре храма и огромное историческое кладбище. После революции монастырь был ликвидирован, кладбище разрушено, храмы закрыты. Два из них были переделаны под новые нужды: церковь Алексия Человека Божия отдали под Дом пионеров, монастырский храм Всех Святых — под районную библиотеку. Два других храма — церковь Архангела Михаила и Крестовоздвиженский собор — были попросту разрушены. Территорию монастыря закатали в асфальт, застроили новыми зданиями и перерезали автострадой (сейчас это участок Третьего транспортного кольца в районе Русаковской эстакады).

«Всесоюзный институт рыбного хозяйства и океанографии получил участок под строительство здания в этом районе в середине 30-х годов, указом Совнаркома, — говорит бывшая замдиректора ВНИРО Юлия Зайцева. — Тогда это был фактически пустырь на месте разрушенного Крестовоздвиженского собора. В отличие от многих других эту церковь сносили без использования взрывчатки — при помощи здорового крана с бетонной гирей. Именно поэтому уцелел фундамент и остатки кирпичной кладки на первом этаже. Старый фундамент был настолько прочен, что его, как и сохранившийся кусок стены, решили не трогать, когда на месте собора стали возводить здание института».

На протяжении десятилетий корпус института обрстал пристройками и надстраивался новыми этажами. В 90-е годы он обрел свой нынешний облик: большое 5-этажное здание сложной конструкции, в котором несколько корпусов объединены между собой переходами. Центральный вход украшен колоннами и лепниной на фронтоне. Дубовые двери, огромный якорь у входа. Вход строго по пропуску: объект режимный.

Сейчас здание имеет статус федерального имущества.

Храм науки

Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии — самый крупный в России научный центр в этой области. Он имеет 12 дочерних исследовательских институтов по всей стране — от Камчатки до Калининграда. Только в его головном отделении работает более 500 человек, при этом здание занимает площадь около 8000 квадратных метров. На научных разработках сотрудников ВНИРО держится вся рыбохозяйственная отрасль нашей страны. Именно эти ученые разрабатывают биологические обоснования объемов вылова рыб, изучают природоохранные риски, в их ведении находятся «изучение, охрана и воспроизводство всех биоресурсов морей и пресных вод России и Мирового океана».

В здании института помимо научных библиотек и музея «живут» 29 различных лабораторий, открытия и достижения практически каждой из которых известны во всем мире.

В цокольном этаже на площади 300 квадратов располагается гордость института — уникальный аквариальный комплекс — сеть специализированных

Рыбное место

Очередной скандал с отъемом собственности под церковные нужды: РПЦ судится со Всероссийским научно-исследовательским институтом рыбного хозяйства и океанографии. Предмет спора — здание НИИ в центре Москвы

бассейнов для рыб, оснащенная сложнейшим оборудованием. Этот экспериментальный комплекс для наблюдений за рыбой на различных этапах ее развития — от икры и мальков до взрослых особей. Ежедневное наблюдение и анализ данных затем ложится в основу методик для искусственного воспроизводства рыбы, в том числе и для коммерческого промысла (например, тихоокеанского лосося в океане или русского осетра в Каспии).

Да и все здание — от цокольного до 5-го этажа — обеспечено сложнейшей высокотехнологичной начинкой. Его стены и полы надежно гидроизолированы, адаптированы для поддержания строго необходимого температурного режима в зависимости от нужд каждой конкретной лаборатории. Стоимость оборудования составляет несколько миллиардов рублей. Если этот живой научный организм будет выкинут из своей среды — он погибнет.

Вот Бог — а вот порог

Впервые об интересе церкви к их зданию работники НИИ узнали в начале 2000-х, когда молодой отец Артемий, священник уцелевшего храма Всех Святых (который вернулся в лоно церкви еще в 1991 году), попросил позволения у тогдашнего директора НИИ Бориса Котенева изредка проводить службы в маленьком актовом зале института, в стене которого сохранились фрагменты кирпичной кладки колокольни разрушенного собора. Директор был человеком набожным и разрешил отцу Артемию и его старушкам-прихожанкам свободно проходить на режимный объект. Спустя несколько лет, в 2004 году, РПЦ предприняла первую попытку получить здание, потребовав у Росимущества безвозмездно передать ей ряд «нежилых помещений» на улице Верхняя Красносельская, 17 (то есть здание института). Однако на тот момент закон о реституции еще не был принят, и чиновники с легким сердцем ответили отказом, сообщив просителям из РПЦ, что здание ВНИРО не является церковью, не предназначено для религиозного назначения, более того: оно даже не имеет статуса памятника, охраняемого государством.

На этом маневры вокруг здания института, казалось, закончились. Зато вскоре начались реставрационные работы в церкви Алексия Человека Божия, которая практически стена к стене при-

мыкает к зданию научного института. Эта церковь вернулась в ведение РПЦ в 2002 году, а до этого имела статус муниципального имущества и принадлежала городу. В 2006 году указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси на территории церкви Алексия было основано Патриаршее подворье. Это особый церковный статус, указывающий на первостепенную важность прихода для Русской православной церкви, его нахождение под личным патронатом патриарха (а не в ведении местной епархии). Официально название подворья звучало следующим образом: «Патриаршее Подворье с приписным (т.е. имеемым в виду) храмом Воздвижения Креста Господня». Но тогда никто на эту деталь внимания не обратил.

В 2013 году указом патриарха был возрожден давно уничтоженный Алексеевский женский монастырь — правда, в сильно усеченном виде: сейчас на землях,



в разработке программы школьного предмета «Основы религиозных культур и светской этики», а также была одним из авторов ряда нашумевших законов: «О защите чувств верующих», «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения». Под ее личным руководством иски о возвращении недвижимости церкви оказались поставлены на поток. А в споре РПЦ и ВНИРО матушка Ксения, как игуменья монастыря, — еще и лицо кровно заинтересованное. Именно она представляет интересы патриархии в суде.

В 2016 году Московская патриархия подала иск об истребовании здания НИИ. Притязания РПЦ опираются на Закон «О возвращении религиозным организациям имущества религиозного назначения», принятый в 2010 году. Согласно ему «монастырские, храмовые и иные культовые комплексы, постро-

« Внешне огромное пятиэтажное угловое здание научного института менее всего напоминает православный храм »

некогда принадлежавших монастырю, располагаются гипермаркет «АШАН», огромные подземные парковки и жилые дома, проходит Третье транспортное кольцо. Тем не менее возрождение монастыря тоже оказалось под личным патронатом патриарха. Именно поэтому к своему имени монастырь получил титул «ставропигиальный», это звание присваивается тем монастырям, которые подчинены непосредственно патриарху. Возглавила воссозданный монастырь руководитель юридической службы Московской патриархии матушка Ксения Чернега, человек особо приближенный к Кириллу.

В миру Ксения Чернега окончила юридическую академию, а приняв постриг, быстро получила репутацию яростного борца за обретение в церковную собственность прежде светских объектов недвижимости. Именно она добилась от правительства РФ введения упрощенной формы финансовой отчетности для религиозных организаций, участвовала

енные для осуществления или обеспечения...богослужений» должны быть возвращены церкви.

В иске, поданном Московской патриархией против ВНИРО, комплекс института упоминается исключительно как «здание церкви». Хотя внешне огромное угловое здание НИИ менее всего напоминает православный храм. В деле присутствует искусствоведческая экспертиза, сделанная по заказу РПЦ искусствоведом частного научно-проектного реставрационного предприятия «Симаргл» М.Г. Карповой. В этой экспертизе не только описан каждый кирпичик в стенах цокольного и первого этажей НИИ, сохранившийся после сноса церкви в 30-х годах, — но даже нечто большее. «Вытянутая трапезная сохранила лотковый свод, который подшит. Западная стена трапезной отодвинута от пилонов колокольни. Основание колокольни соединено аркой с уцелевшим фрагментом притвора южного придела середины XIX века» — и так далее, шаг за



Здание ВНИРО меньше
всего напоминает церковь

Влад ДЮКШИН — «Новая»

шагом искусствовед Карпова подводит к выводу, что в 30-х годах церковь была не разрушена, а просто «встроена в здание института». И, поскольку разделить их теперь невозможно, все здание научного института должно принадлежать церкви.

Любопытно, что к экспертизе искусствоведа Карповой не прилагаются никакие фотографии: они в деле отсутствуют вообще. Все, что описано в экспертизе, касается цокольного этажа (то есть фактически подвала) института, где массивная кладка действительно местами проглядывает. Но в актовом зале и части вестибюля о церкви, стоявшей на этом месте, напоминает только какая-то «не научная» изогнутость стен. На глаз определить, где кирпичи, принадлежавшие монастырю, а где — уже советские, невозможно. Это могла бы установить только архитектурная экспертиза, однако ее в деле нет. Не упоминаются в деле и сложнейшие инженерные работы, которые проводились при строительстве здания НИИ, — гидроизоляция стен, полов и потолков, их особая перешивка и заливка. Для РПЦ все эти изыскания были бы явно не на пользу. А Росимущество, которому принадлежит здание ВНИРО, как-то не озаботилось. При этом ни в ВНИРО, ни в Росрыболовстве до последнего момента никто и предположить не мог, что церковь всерьез намерена отобрать здание института. «Узнали мы об этом, когда нас вызвали повесткой в суд, — говорит Юлия Зайцева, — времени на подготовку не было». Позиция Росимущества также неизменна. «Мы всецело выступаем за исполнение закона о реституции, — прокомментировала «Новой газете» ситуацию пресс-секретарь Арина Николаева. — Об этом свидетельствует и статистика. Только в 2016 году от религиозных организаций было получено 246 заявлений на возврат религиозных объектов, из них 146, или 90%, были удовлетворены. Тем не менее здание института не относится к имуществу религиозного назначения. (Здесь нет ошибки редакции. Именно так в ответе. — Ред.)

В ноябре 2016 года Арбитражный суд удовлетворил претензию церкви и постановил: выселить НИИ из здания и отдать его Московскому патриархату. ВНИРО, федеральное агентство по рыболовству, которому структурно подчиняется НИИ, и Росимущество подали апелляционную жалобу.

На последнем заседании апелляционного суда по рассмотрению жалоб ВНИРО и Росрыболовства в конце января 2017 года игуменья Ксения Чернега заявила: «Здание научного института будет разрушено. На его месте будет вновь построена церковь».

Суд оставил в силе решение первой инстанции о выселении научного института из здания. Теперь вся надежда на президиум Арбитражного суда Московского округа.

Своя ноша

Очевидно, что предполагаемый снос НИИ и последующее строительство на его месте нового храма — дело крайне затратное. Однако — и это обстоятельство многократно подмечено всеми, кто наблюдает за судьбой возвращенного имущества церкви, — РПЦ охотнее вкладывается в новое глянцево-строительство, чем в спасение и реставрацию исторических церквей. Так, Алексеевский женский монастырь, который сейчас возглавляет матушка Ксения, находится в плачевном состоянии. У ворот храма Всех Святых висит большое объявление с просьбой к прихожанам жертвовать деньги на восстановление собора, который разрушается: «Множественные сколы, расслаивания, трещины... отсутствие ливневой канализации и гидроизоляции фундамента приводит к его систематическому намоканию и может привести к полному разрушению. Насельники монастыря круглосуточно вдыхают вредные испарения от обильных грибковых образований. Просьба всем неравнодушным не отказывать в поддержке». Работники храма на вопрос, почему не реставрируется храм, печально разводят руками: «Денег на нас нет. Да и наша матушка очень занятой человек».

Ирина ГОРДИЕНКО, «Новая»

P.S. «Новая газета» обратилась в Синодальный отдел по взаимоотношениям церкви с обществом и СМИ с просьбой прокомментировать ситуацию вокруг здания НИИ. Мы рассчитываем опубликовать ответ представителей РПЦ сразу, как только график мероприятий религиозного характера даст возможность его сформулировать.

ЗОНА ОЛЬГИ РОМАНОВОЙ



Перемен! — требуют силовики, суды и бизнес

Мы задумались: какие влиятельные группы
были бы против реформы ФСИН?

Пришел к нам в «Русь Сидящую» на днях молодой человек, работающий в уважаемой ученой организации. Спрашивал про реформу ФСИН: мол, как и что надо бы сделать. А потом спросил, а кто может оказать сопротивление реформе? Такой основательной реформе, а не косметической, чтобы с переходом ФСИН в гражданское ведомство и демилитаризацией попыток исправления. Стали мы с ним размышлять и перечислять разные влиятельные группы. И знаете, так интересно получилось — давайте я и вам расскажу.

Силовики. Они могут оказать сопротивление чему угодно, но к реформированию ФСИН останутся равнодушны. Среди силовиков ФСИН — низшая каста. Во ФСИН идут обычно те, кого не взяли в ФСБ, МВД, в приставы и выгнали из пожарных. В функциях они особенно не пересекаются, разве что следствию удобно работать с тюремщиками. Показания из арестанта выбить, пресс-хату ему устроить — здесь маленькие тюремные помощники незаменимы. Однако доля граждан, осужденных в особом порядке, неуклонно растет, а принципиальные упрямцы, готовые биться за установление истины, часто находят способы сообщить о выбивании показаний. Чем больше будет упрямцев — тем меньше будет пресс-хат, это очевидно.

Парламент. Там у ФСИН есть свои агенты, но не влиятельные, и их мало. А вот влиятельных сторонников реформирования много. Во-первых, надо же им и законы какие-нибудь принимать, во-вторых, президентские выборы на носу, а тема безобразий в местах лишения свободы — она очевидная и народная. Ну и, в-третьих, довольно много бывших коллег нынешних парламентариев уже лично ознакомились с состоянием дел за решеткой. Вон хоть у губернаторов спросите.

Да, губернаторы. Нет такого губернатора, у которого с местным УФСИН были бы хорошие отношения. УФСИН — это обычно государство в государстве, чихать они хотели на пожелания губернатора. А вот если ФСИН станет гражданским ведомством, да будет работать вместе со всей своей дешевой трудовой армией на нужды региона, да если еще предложить согласовывать кандидатуру начальника УФСИН с губернатором или местным парламентом — так это совсем другое дело. Хуже от этого не будет, потому что хуже некуда, а польза быть могла бы. Тогда бы и о ресоциализации голова бы у губернатора и прочих местных властей начала болеть.

Бизнес. Мелкий и средний бизнес получают наконец доступ к ресурсам ФСИН, потому что достали уже они всех до печенок и своей коррумпированностью, связанной с «промкой», куда попадают исключительно свои

предприниматели, смиренно делящие прибыль между начальником зоны и прокурором по надзору. Чего только стоит знаменитое ФГУП «Калужский», торгующее втроедорога залежалым товаром при полном отсутствии конкуренции. Крупный бизнес мог бы тоже получить доступ к ресурсам, но ему это не надо, зато совсем другое дело — банки и просроченная кредиторская задолженность перед ними. Мелкие задолженности можно будет погасить из того, что осужденные будут реально зарабатывать, а не как сейчас, по 200–500 рублей в месяц, а с крупными можно будет разбираться путем получения доступа к осужденному должнику, который сможет нормально заниматься реализацией имущества, а не отдавать его на откуп случайным шалакам.

А Минфин, кстати, может получить дополнительные доходы: растет заработок — растут налоги. И вот еще какая важная вещь: сотрудники ФСИН у нас получают пенсию по выслуге всего через 15 лет службы. А вот в МВД, например — через 25. Это, позволите спросить, какая такая особо опасная работа у них? Ну да, с преступниками они имеют дело. А мы тут на свободе — с кем? Если у них процент рецидива, то есть брака в работе, до 70 процентов доходит, а по словам одного из замдиректоров ФСИН, и все 83 процента — куда девается рецидив? Да на улицы. В общем, давайте-ка снизим нагрузку на Пенсионный фонд, раз у нас рецидивная преступность выросла в два раза за 10 лет.

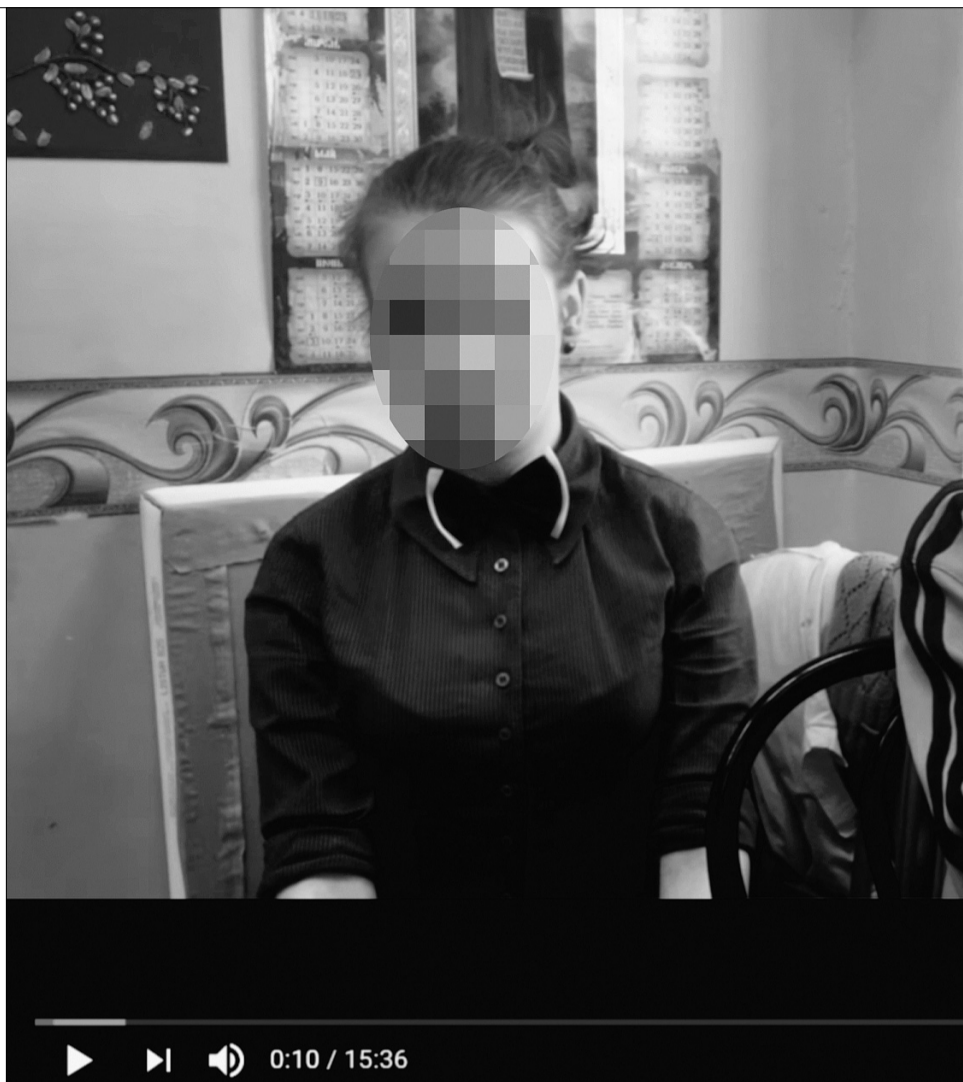
Суды. Они тоже вряд ли будут против реформы ФСИН. Могут еще посопротивляться реформе уголовного правосудия (и то вряд ли), но любые реформы нагрузку на суды должны снижать, потому что к судам может быть миллион претензий, но объективно нагрузка у них такая, что врагу не пожелаешь. Упрощение процедуры УДО, реально работающие юридические клиники, особенно в регионах, снижение тюремного населения, декриминализация мелких проступков и особенно «народной» ч. 1 ст. 228 (по факту марихуаны без цели сбыта) — вот эту всю ерунду отбросить, и суды, глядишь, начнут вдумываться в свою и чужую забубенную жизнь.

Есть еще одна группа, которая должна быть заинтересована в реформе, — сами **сотрудники ФСИН**, если они дадут себе труд об этом задуматься. Работа у них не уважаемая, денег мало, страхов много, социальных гарантий особо нет. Чего терять-то? А профессионалы везде нужны. Переучиться чуток — и на новую работу. Можно в пожарные, а можно пенитенциарную педагогику подтянуть и остаться служить — этапы, тюрьмы и охрану никто отменять не будет. Может, для кого-то это шанс.

«ЭТО ТАКОЙ БИЗНЕС — НА ПРИЕМНЫХ ДЕТЯХ»

Педагог детского реабилитационного центра опубликовала видео, на котором двое подростков рассказывают, как приемные родители избивают и унижают их, держат взаперти. Дети говорят, что опекуны сделали им справки об умственной отсталости ради повышенного пособия. При этом органы опеки 4 года не приходили в семью с проверкой.

Скандалное видео ставит вопрос: что происходит в семье, которую уже четыре года не навещали органы опеки?



Ежегодно в России прокуратура выявляет несколько тысяч нарушений в работе органов опеки и попечительства. В 2011 году — 3 тысячи нарушений, в 2013-м — 20 тысяч. В отчете надзорного ведомства за 2016 год конкретной цифры не называется, но говорится так: «В числе приоритетов в работе прокуратуры оставались вопросы защиты прав детей-сирот. В первую очередь требовала прокурорского вмешательства работа органов опеки».

Претензии известные: сиротам не предоставляют жилье, не выплачивают пособия, отдадут на воспитание в неблагополучные семьи.

Сами работники органов опеки на такую критику не отвечают. За них говорят работающие с сиротами волонтеры. Они призывают реформировать систему: освободить сотрудников опеки от излишней бумажной работы, мотивировать деньгами (средняя зарплата сегодня — 20 000 рублей), нанять психологов, использовать современные методы сопровождения приемных семей. Тогда, говорят они, и не будет историй, одну из которых мы хотим рассказать.

Рассказ о детстве

10 января преподаватель Приморско-Ахтарского детского реабилитационного центра Евгения Шиневская опубликовала на своем канале в YouTube видео, на котором двое подростков, 14-летняя Вика и 15-летний Игорь (фамилии известны редакции), говорят, что не хотят возвращаться в приемную семью, потому что там над ними издеваются.

— С августа <2016 года> я живу у Андреевой Ларисы Валерьевны. За все время до отъезда <в реабилитационный центр в ноябре> мы вышли из дома только два раза: на день станицы и в кино, — рассказывает Вика. — Там есть родной сын, Саша, он дразнит нас, называет ниггерами. Плюет нам на подушки.

Вика говорит, что живет в комнате с другой приемной девочкой — Настей.

— Замок не внутри, а снаружи двери. Нас закрывают. Еду также приносят в комнату. У мальчиков вообще решетка стоит, потому что Игорь сбегает, — говорит она. — Еще в этой же комнате, где мы живем, стоят ведра <для нужды>, и перед ними нет даже шторок. Хотя дома есть два туалета, куда нас не пускают.

— А закрывают вас когда? — спрашивает Шиневская. — На ночь?

— На ночь обязательно, — подтверждает Вика. — И днем, когда захотят.

— А по дому, по двору вы ходите?

— Нет. Мы целый день в комнате сидим.

Вика также рассказывает, что дети, кроме родного сына Андреевых Саши и младшего приемного Дани, не ходят в школу: учителя приходят к ним на дом.

— Леша, ему сейчас 17, два года назад закончил 9 классов коррекционной школы. И он с 15 до 17 лет сидит дома. Его не пустили учиться. Даже в самое простое училище. Она <опекун> сказала: «Нет, ты куда не пойдешь». И все. И он сидит дома. Целый день. Там можно с ума сойти. Как в дурке, реально. Как тюрьма.

— Сколько раз ты лежала в психиатрической больнице? — спрашивает девочку Шиневская.

— Три раза. Мне там давали много всяких снотворных.

У Игоря Евгения Шиневская спрашивает: «Куда он убегает из дома?» Тот

отвечает: «В станицу Калининскую, где живет его приемная семья и его бабушка».

— Один раз меня били за то, что сбегал, — рассказывает Игорь.

— Ремнем?

— Ну нет...

— Рукой, кулаками по разным частям тела, — говорит Вика. — Он рассказывал, что его дядя Саша взял за шею, прислонил к шкафу и поднял.

— Душить пытался. Ногами бил, если я не мог на зарядке 100 раз присесть.

Игорь рассказывает, что лежал в психиатрической больнице 9 раз. Что опекуны не дают ни им с Викторией, ни другим детям пользоваться телефоном и интернетом.

— А если вас отдадут в другую семью, вы не запроситесь назад? — спрашивает Шиневская.

— Ну, если там нормально относиться будут, отпускать на улицу, дадут телефон, — то нет, — отвечает Вика.

— Я туда вообще не захочу, — говорит Игорь.

— А если опекуны скажут, что будут теперь хорошо к вам относиться?

— Они даже хуже станут относиться, — отрезает Вика. — Скажут, что мы все время, мы дети больные. Потому что у нас эта карточка розовая (свидетельство об инвалидности по умственной отсталости). Хотя мне эту инвалидность просто бабушка купила. Меня привезли в больницу и сказали: «Притворяйся». И я притворялась, что не знаю таблицу умножения, не умею считать, читать, писать.

— А кем бы ты хотела стать?

— Ну, поваром. Или швеей. А если инвалидность уберут, то пойду на педагогическое. Я хочу с детьми работать. Мне психолог Лариса Анатольевна сказала, что у меня есть какая-то связь с детьми, что я могу их чему-то научить.

— А ты, Игорь, когда узнал, что у тебя инвалидность стоит?

— Я даже не знал.

«Высокий уровень страхов»

Евгения Шиневская на разговор соглашается охотно. Сначала объясняет, как дети попали в центр.

— У несовершеннолетних с умственной отсталостью есть право два раза в году проходить реабилитацию в специализированных учреждениях. Опекуны их приводят к нам в общей сложности на 70 дней. Здесь о них заботятся врачи и педагоги. У опекунов в это время есть возможность отдохнуть.

О том, что у Вики и Игоря проблемы в семье, Евгения, по ее словам, узнала на уроке труда.

— Спросила, чем они занимаются дома, и услышала те же жалобы, что и на видео. Побежала к психологу, которая проводила у них приемную диагностику. Та рассказала, что Игорь разрыдался на вопросе о семье. А когда его попросили что-нибудь нарисовать, он изобразил одинокого грустного человека.

Сотрудники реабилитационного центра предоставили «Новой газете» психолого-педагогические характеристики Вики и Игоря, составленные психологом Ларисой Федуловой.

«По результатам психологической экспертизы у Виктории выявлено:

Высокий уровень страхов, скрытой агрессии. Высокая утомляемость, низ-



Преподаватель детского реабилитационного центра Евгения Шиневская



Выход из полноэкранного режима

лость! — возмущается Шиневская. — У Вики хорошие показатели, она — точно здоровая. У Игоря чуть хуже. После рассказов мальчика об избиениях надо еще проверить, откуда у него проблемы с памятью.

По словам Шиневской, директор реабилитационного центра Ольга Благова, узнав историю Вики и Игоря, сначала хотела найти им новую приемную семью.

— Дети должны были уехать от нас 25 декабря. За несколько дней до этого я подошла к Ольге Викторовне и спросила: нашлись ли новые опекуны? Но та ответила что-то в духе: может, не стоит нам вмешиваться, лезть в семью... Тогда я и решила снять видео. Мы с детьми договорились, что на новогодних праздниках они позвонят мне и расскажут, как дела. Если этого не случится, я пообещала их вызволять. Дала им свой старый сотовый телефон с зарядкой.

До 10 января звонка от детей не последовало. Евгения опубликовала видео, а 14 января вместе с воспитателем реабилитационного центра Тамарой Калининой поехала к Вике и Игорю в станицу.

— Подъехали к дому. Я позвонила в звонок на воротах. Никто не ответил и не вышел. Затем набрала с телефона. Лариса Евгеньевна, опекун, взяла трубку, выслушала меня и сказала, что детей мы сможем увидеть «только если разрешит опека» и что опеку она сейчас вызовет. Приехала начальник отдела опеки и попечительства Ирина Безгласная. И что вы думаете? Сказала, что детей нам никто не покажет.

16 января Евгения пошла на прием к депутату Приморско-Ахтарского района Александру Бирюкову.

— Я попросила его отправить депутатское письмо с описанием проблемы губернатору Краснодарского края. Он отправил. Но ждать ответа долго. Может, месяц-два. А что в это время с детьми? Никто не знает. Вот я и решила, что нужно придать это огласке более широкой.

По мнению Шиневской, опекуны Вики и Игоря зарабатывают на приемных детях.

— 12 000 рублей ежемесячно государство выделяет на содержание каждого ребенка, взятого под опеку. 10 000 рублей каждый месяц выплачивается опекунам в качестве зарплаты. Плюс 60% от МРОТ, если ребенок инвалид. То есть 27–28 тысяч рублей

с каждого ребенка эта семья в месяц имеет. У них пятеро приемных детей, все оформлены как инвалиды. Вот и считайте. Это такой бизнес в маленьких городах, где нет работы, — на приемных детях.

Опека не приходила 4 года

Опекун Вики и Игоря Лариса Андреева разговаривать с «Новой газетой» не захотела. Услышав имена детей, она бросила трубку и больше ни на звонки, ни на SMS не отвечала.

Без ответа опекунов остались вопросы: как воспитываются дети, могут ли они свободно перемещаться, выходить из дома? Действительно ли они умственно отсталые и в чем это прояв-

ляется, а к посторонним людям, внушающим большее доверие. По заявлению приемного родителя дети обучаются на дому, в то же время их желание обучаться в коррекционной школе вместе с другими учащимися во внимание не принималось.

В то же время работники прокуратуры подчеркивают, что Вика и Игорь в ходе проверки отказались переходить в другую семью.

Отдельного упоминания надзорного ведомства заслужили органы опеки: «Представители органа опеки и попечительства Калининского района с апреля 2012 года самоустранились от контроля за деятельностью приемного родителя, условиями проживания детей не интересовались, а при посещении семьи в ноябре 2016 года составили формальные акты обследования».

« В ходе проверки вскрыто, что при наличии в целом удовлетворительных материальных условий интеграция приемных детей в семью не происходила, что способствовало разделению их на «своих» и «чужих», обострению конфликтных ситуаций

кий уровень самооценки, коммуникативных навыков, в поведении наблюдается неуверенность. В познавательной сфере у Виктории объем внимания достаточный, хорошая переключаемость и концентрация. Память произвольная, хорошая быстрота и прочность запоминания. Мышление самостоятельное, имеет хорошие аналитико-синтетические способности. Интересы стойкие, выраженная активность и целеустремленность. В эмоционально-волевой сфере отмечается дисциплинированность, положительная мотивация к учебе, проявление ответственности при выполнении поручений».

Об Игоре психолог сообщает: «Высокий уровень утомляемости, низкий уровень самооценки и коммуникативных навыков. Объем памяти снижен. Мышление самостоятельное, интересы избирательные, угасающие по мере столкновения с трудностями».

— Характеристики, никак не поддающиеся под умственную отста-

ляется? Почему дети на видео сказали то, что сказали?

Руководитель отдела по вопросам семьи и детства администрации Калининского района Ирина Безгласная ограничилась кратким комментарием:

— В настоящий момент по данному факту проводится комплекс проверок. Их ведут и Министерство социального развития Краснодарского края, и прокуратура, и полиция. Изложенные детьми факты пока не подтверждаются.

У прокуратуры Краснодарского края на этот счет, правда, иная точка зрения:

«В ходе проверки прокуратурой вскрыто, что при наличии в целом удовлетворительных материальных условий проживания, интеграция приемных детей в семью не происходила, что способствовало разделению их на «своих» и «чужих», обострению конфликтных ситуаций. В итоге приемные дети обратились за помощью не к роди-

Почему на протяжении 4 лет опека не приходила проверять условия жизни детей в семье Андреевых? Руководитель отдела по вопросам семьи и детства администрации Калининского района Ирина Безгласная на этот вопрос «Новой газеты» отвечать не стала.

Коснулась проверка правоохранительных органов и Евгения Шиневская. За публикацию видео с рассказом Вики и Игоря о приемной семье ей грозит уголовное дело по ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни».

Иван ЖИЛИН, соб. корр. «Новой»

Р.С. «Новая газета» обращается к детскому омбудсмену Анне КУЗНЕЦОВОЙ с просьбой вмешаться в ситуацию и защитить законные интересы Вики и Игоря.

КОММЕНТАРИИ



Александр ГЕЗАЛОВ, эксперт Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации:

— Проблема принятия детей под опеку исключительно ради денежных пособий существует, но я не думаю, что она масштабна. Статистики на этот счет нет.

Для защиты детей внутри приемной семьи есть несколько эффективных механизмов. Во-первых, система сопровождения. То есть с определенной периодичностью в семью должен приходиться человек из специальной уполномоченной службы сопровождения замещающих семей. Он должен общаться с ребенком, отслеживать его развитие, общаться с опекунами, помогать скорректировать программу обучения и воспитания. И именно этот человек должен предупреждать и выявлять нездоровые отношения к ребенку.

Кроме того, специалист должен выяснить, что хотят дать ребенку и чего от него ждут потенциальные опекуны, чего ждет сам ребенок? В России часто приемные родители берут ребенка, не интересуясь ни его прошлым, ни особенностями, ни интересами, а потом отдают назад. У нас 7000 возвратов в год.

Что касается инвалидности, которую фиктивно приписывают детям, эта проблема тоже имеет место. Правда, с обеих сторон: в детских домах также нередко оформляют справки об умственной отсталости или иной форме

инвалидности на совершенно здоровых детей, потому что это материально выгодно: чем сложнее категория детей, тем большие надбавки получают работники.



Елена АЛЬШАНСКАЯ, президент благотворительного фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам»:

— Демонизировать кого-либо в подобной ситуации не нужно. Нужно тщательное расследование, а главное — понимание, почему такие случаи возможны.

Во-первых, органы опеки. Их сотрудники — специалисты административные. Документооборот, предоставление сироте жилья, внесение записей о разводе приемных родителей. Редко в каком отделе работает психолог. И даже если эти люди приходят в семью, чтобы проверить условия содержания ребенка, они чаще смотрят на внешние факторы: чисто ли в квартире, есть ли еда? При этом немногие понимают, что ребенок может подвергаться насилию вплоть до сексуального и при этом отвечать на вопросы с улыбкой, понимая, что за «неправильный» ответ его ждет наказание.

Кроме того, банально не хватает кадров. В районных органах опеки может работать один-два человека. И нагрузка у них бывает — более 5000 детей на сотрудника. Обойти раз в полгода каждого приемного ребенка, как предписывает законодательство, — они не успевают чисто физически. Службных автомобилей сотрудникам опеки не предоставляют.

С другой стороны, не нужно с ходу плохо думать и о приемных родителях. Сразу скажу: бывает так, что дети берут ради денег, но чаще всего — из абсолютно благородных побуждений. Вообще, взять в свою семью ребенка — задача психологически непростая. А если у ребенка трудное прошлое, то жизнь с ним становится преодолением. У опекунов часто не выдерживают нервы, и они прибегают к недозволенным методам воспитания. Но здесь вопросы к системе.

Например, в России только в 2012 году появились обязательные школы приемных родителей. Раньше детей выдавали всем желающим, невзирая на их готовность и навыки. Но и сейчас, особенно в провинции, занятия в этих школах зачастую представляют собой скучные лекции по методичкам 60-х годов прошлого века, которые не имеют никакого отношения ни к сегодняшним реалиям, ни к современному мышлению.

У нас до сих пор не работают службы сопровождения приемных семей, которые могли бы квалифицированно помочь и детям, и приемным родителям. Ведь взрослые зачастую просто боятся пойти в органы опеки за советом, потому что думают, что ребенка отберут.

В результате мы имеем органы опеки, у которых нет ни денег, ни квалифицированного персонала, ни времени, чтобы обойти каждую семью. Имеем приемных родителей, которые в критической ситуации не знают, куда обратиться за советом. И имеем истории, как у Вики и Игоря.

И. Ж.

Сережа Кушнерев был в 28 лет ответственным секретарем «Комсомольской правды». Той «Комсомолки» рубежа 1990-х, тираж которой взлетел в перестройку от советских одиннадцати миллионов экземпляров к двадцати с лишним миллионам. И была она самой тиражной газетой в мире.

Сережа Кушнерев был среди тех, кто ушел из этой самой «Комсомолки» зимой 1992–1993-го в никуда. Они с Дмитрием Муратовым возглавили команду «ушельцев» и в апреле 1993-го основали «Новую газету».

Сережа Кушнерев был главным редактором телекомпании «ВИД» в 1994–2014 годах. Лауреатом премии ТЭФИ в 2001-м, 2002-м, 2007-м (как сценарист и продюсер), членом Академии Российского телевидения. Он привел в эфир Игоря Квашу, Сергея Бодрова-младшего, Чулпан Хаматову, Марию Шукшину. Он придумал и продюсировал замечательный телепроект «Сделай шаг». И много других: но «Сделай шаг» с его чудаками, упрямыми, совершителями подвигов на тех квадратных метрах, куда поставила судьба, — уж очень Сережкина идея.

И вот его главное «Сделай шаг»: Кушнерев создал, возглавлял пятнадцать лет, отстроил в национальную службу поиска пропавших людей телепроект «Жди меня».

А еще он был самым блестящим мальчиком на нашем курсе: факультет журналистики МГУ, осень 1979-го. И самым румяным. И самым рассудительным — пока не взрывался гневом, хохотом или не начинал махать руками, излагая идею. Он был журналистом от Бога — и раньше других (как и многое) понял подлинную цену и мощь профессии. Тогда — притоптанной и припачканной: газеты-то были только казенные, других 17-летние граждане СССР увидеть не чаяли...

Журналистом — от Бога, но не «по наследству». В семье — врачи и ученые. Английская школа на Ленинском проспекте. Отличник — круглей не бывает. Ни малейшего желанья студбилет советской власти почтительнейше возвращать и декадентствовать, диссидентствовать...

О том, что хуже: делать дело в стране пятилеток, какова она есть, или бить баклуши и читать ксероксы? — спорили на крыльце журфака. Много и зло. И никакой застой, никакая цензура, никакие идейные разногласия вчерашних школьников той злости не стоили.

...Он каждое утро отводил семилетнюю сестру Настю в школу — и делился заботами ее воспитания. Он разговаривал цитатами из Милна, Кэрролла и Киплинга. Он пропадал на Птичьем рынке и долго писал о нем трактат для «Алого Паруса» — блаженной памяти «школьной страницы» «Комсомолки», маленького цветного острова свободы в журналистике 1970-х — начала 1980-х.

Он был лучшим студентом легенды журфака — профессора античной литературы Елизаветы Петровны Кучборской. И собирался написать когда-нибудь книгу «Прометей в мировой культуре».

Никто не сомневался: его карьера будет очень большой. С черными лимузинами и прочими ужасами из песен Галича. Я хмыкала: «Быть тебе новым Суворовым...» Он пожимал плечами.

Осенью 1980 года на университетской картошке в совхозе Бородино Можайского уезда Сережа вызвался быть шеф-поваром. Кормил с небольшой командой 230 душ. Выходил перед обедом в длинную столовку пионерлагеря в белом колпаке, меланхолично сообщая:

— Сегодня мы едим корову Надежду. В виде макарон по-флотски.

Нам особо везло осенью 1980-го, на Бородинском поле, на коровьи имена. Выделили курсу из совхозного стада на пропитание — Веру, Надежду и Любовь. И еще телку Ветку. Мы их съели.

...Руки у Кушнерева в те недели были покрыты длинными шрамами ожогов. От горячих противней с сырниками и пончиками. Лучшие девушки курса бились за право их врачевать.

Он работал в «Комсомольской правде» (продолжая, естественно, блестяще учиться на дневном) со II курса. Так делают самые умные сейчас: в 1980-м он был исключением. В 20 лет, в 1982–1983-м, он придумал и дважды организовал Всесоюзную выставку-ярмарку студенческих разработок «Комсомольской правды». Строго говоря, это была всероссийская ярмарка стартапов. Изобретений таких же третьекурсников — физиков, химиков, биологов, программистов.

Только тридцать лет назад слова «стартап» никто в СССР не знал. И делала эту ярмарку не команда профи — а студент Кушнерев (с ресурсом «Комсомолки» за спиной, да). Не вылезал он из редакции часов по ...надцать. И пахал уже тогда — все больше не как автор, а как редактор и организатор — так, как в начале 1980-х, до жесткого кнута новых времен, мало кому снилось.

В 1986–1987 гг. мы делали новую студенческую вкладку «Комсомольской правды». Менялись времена. Впервые гремело «Собащее сердце», и мы повторяли: «Я московский студент, а не Шариков». В студенческом отделе (Кушнерев им завел) висел большой, как знамя, снимок Юры Феклистова: мальчишка в джинсах и майке, встав на бронзовое колено Ломоносова («нашего» Ломоносова, что на Моховой, у журфака МГУ), — умывает монумент из шланга.

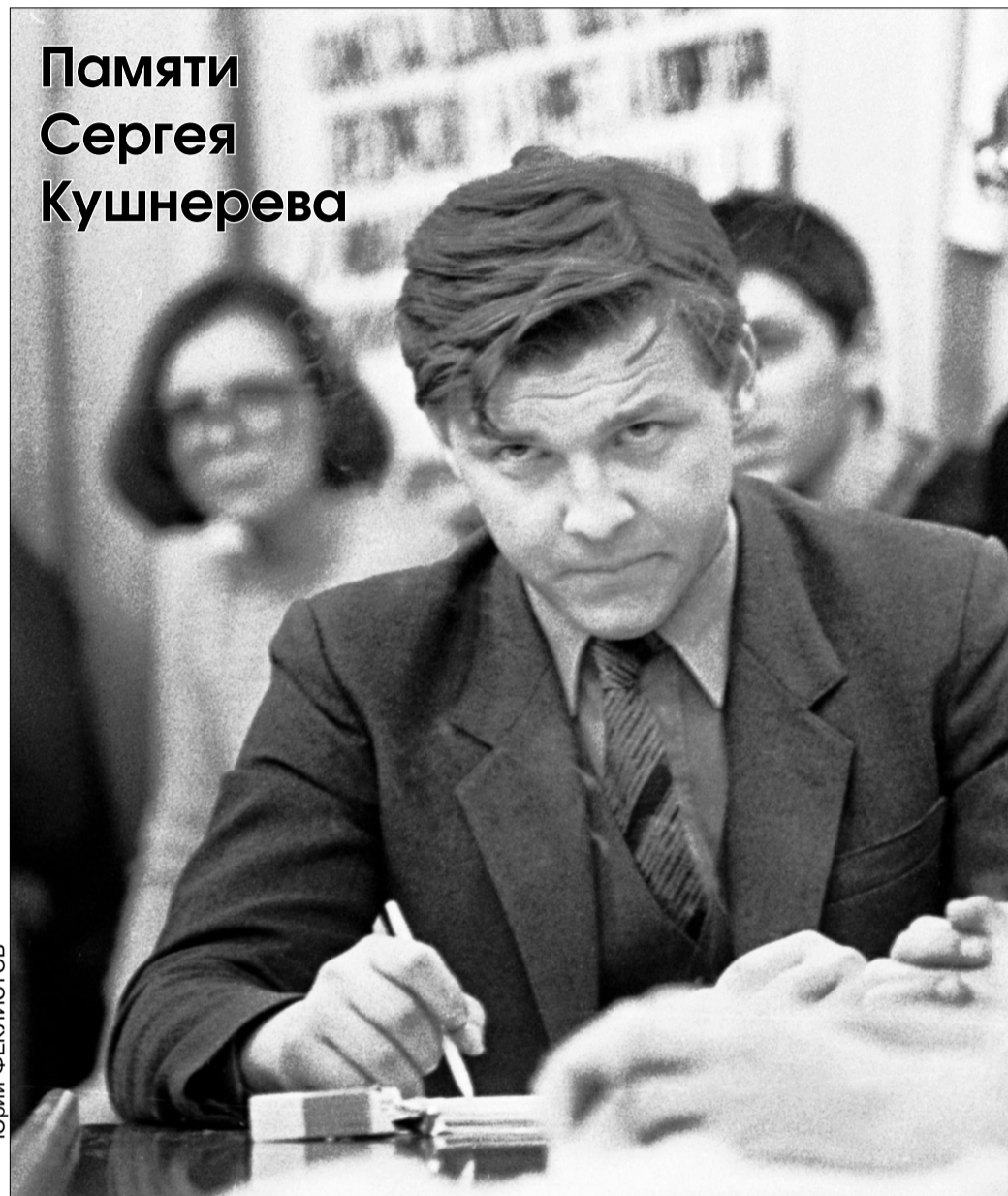
Сережа тогда ходил в старой летной кожанке. На все «ахи» (а шел ему кожан, как в 1943-м) лаконично говорил: «Семейный». Более ничего: он вообще умел быть строг с сотрудниками.

В феврале 2017-го, в дни его болезни, я нашла в Сети интервью Кушнерева — продюсера «Жди меня» и лауреата национальной премии «Известность». Среди многого иного он рассказывал, как на телемосту «Жди меня» с Пекином бывший министр авиационного КНР искал в России однокурсницу. Дальше — просто цитирую Сережу по «Комсомолке»-2010:

— ...Эту историю по странному стечению обстоятельств я мог бы рассказать и сам. ...В 50-е годы прошлого века, когда будущий министр авиационного Союза, у него была однокурсница, которой однажды он спел народную китайскую песню про летчика, который погиб, защищая Китай от захватчиков — сбил пять вражеских самолетов, а потом его самого подбили, его самолет упал в реку Янцзы, где теперь он и похоронен как народный герой, о чем говорится в китайских букварях и поется в китайских песнях. Будущий министр спел эту песню своей однокурснице, потому что ее фамилия показалась ему созвучной имени летчика. И он не ошибся, это была его дочь, которая в то время ничего не знала о своем отце, кроме того, что еще в тридцатых он откуда-то не вернулся с задания... Все было засекречено — не вернулся, и все. И вдруг она

СДЕЛАЙ

Памяти Сергея Кушнерева



Юрий ФЕКЛИСТОВ

слышит песню о том, что ее отец — народный герой Китая и похоронен именно там...

Я знал эту историю еще до того, как мне ее рассказали наши китайские коллеги, потому что этот летчик, капитан Григорий Акимович Кулишенко, — мой дедушка. А его дочь и соответственно однокурсница бывшего китайского министра, которую он ищет, — моя мама.

Осенью 1987-го я ушла из «Комсомолки» в аспирантуру. Расцвет газеты в 1988–1992 гг., конфликты, уход из редакции в никуда большой компании, любившей повторять «Я московский студент, а не Шариков», пренеслись где-то за стенами Румянцевки... Тем паче, что шоковая терапия в 1992-м ударила по академическим институтам (ну и по мне) сразу, прямой наводкой.

Зимой 1993-го, вечером, в метели, я бежала по Маросейке. У края тротуара стоял блестящий мальчишка нашего курса, ответсека газеты с 22-миллионным тиражом, было такое, что я с лепетом «Сережа, Сережа, как я рада!» бросилась к нему.

Он вышел из оцепенения: — Дьякова? У меня все очень хорошо. И в полном порядке.

И с тех пор при словах «прибить флаг гвоздями к мачте», «держаться храбро» и прочая — я это всегда и вижу. Не чего-нибудь из русской классики. Не «Белую гвардию», не Дюма, не Реверте. Маросейка, темень, огни, метель, зима 1993-го, выпрямивший плечи светловолосый Сережка:

— У меня все в полном порядке. И мне особенно некогда болтать.

...Позвонил он примерно через полгода, ворчливо сказав:

— У нас теперь своя газета. Две комнаты в Нагатино. Ты бы зашла...

У «Новой ежедневной газеты» были эти две комнаты на окраине, снятые в погибающем НИИ. Восемь компьютеров, подаренных М.С. Горбачевым «с Нобелевской премии». Никаких инвесторов: на том стояли. Никаких ресурсов — кроме партизан в опорках числом душ тридцать.

Сигареты в Нагатино делили поштучно: три «пегасины» на брата-сестру — было уже хорошо.

Нигде и никогда не работалось и не дружилось так храбро, так тепло, так талантливо, как там.

— Это вы тут пишете, солируете. А мы — бойцы невидимого фронта... — хмыкал Кушнерев, давно выбравший себе самый тяжелый и самый донорский в журналистике труд редактора. Начальника. Придумывателя тем и проектов. Настройщика смыслов и интонаций. Организатора... да всего: репортажа «Ларек как скворечник капитализма», сказок для новогоднего номера, спецвыпуска о путче 3–4 октября 1993 года. (Полредакции тогда работали на улицах Москвы. «Новая» — с ее тогдашним тиражом чуть не три тыщи — первой сказала: это общая трагедия. Бой своих со своими.)

Как раз на рубеже 1990-х, ветер перевешил вывески. Сбивались слова Талейрана «Революция — это сотни вакансий». Людей выносили вверх волны, смерчи, пена.

ШАГ



Серезка же... словно не позволил волнам, смерчам и пене так с собой обойтись. Ибо не был ни пуст, ни легок. Знал профессиональный азарт. Но ничего в нем не было от авантюриста.

Ион пахал. Тяжело, всегда. Фонтанируя идеями, строя газеты, студии и команды. И всегда работая «на земле». С людьми.

Поэтому его главным делом в конце концов, видимо, оказалась программа «Жди меня». Огромный труд поиска людей — и отбора историй, которые станут сюжетами. Жестко отстроенный социальный проект с полутьсячей добровольных помощников, спецгруппой поиска в МВД, телемостами — и киоском на Казанском вокзале, куда может прийти человек без интернета.

Я еще процитирую его интервью. «Российская газета», 2008:

— Закономерность, обнаруженная уже нами: на каждые 200–250 человек в России приходится один, которого кто-то ищет. ...Если вы зашли в магазин, где находится одновременно тысяча человек, то в этой толпе есть примерно четверо, которых ищут, любят и ждут.

Еще интервью. «Комсомолка», 2010:
— Революции, войны, передел границ, экономический кризис — любые социальные потрясения вторгаются в естественные человеческие связи... Можно написать не одну докторскую диссертацию про то, например, что происходит и в душе отдельного человека, и в социуме в целом, когда один брат вдруг оказывается за белых, другой за красных... Или про то, что поджидает человека со здоровой психикой, когда он приезжает из

« На день смерти Сергея Кушнерова — 27 февраля 2017 года, в Чистый понедельник, — благодаря его программе «Жди меня» нашли друг друга 203 477 человек »

небольшого городка на заработки в абсолютно враждебный к нему мегаполис...

Безопасно и предсказуемо у нас не было никогда. Иломало людей, и перемалывало их в нашей новейшей истории так, что нужны еще долгие годы терпения, заботы и любви, чтобы искореженное сознание общества потихоньку выздоравливало, а жизнь, хотя бы постепенно, становилась и более безопасной, и более предсказуемой, и более достойной, что ли...

По официальным данным, в России ежегодно пропадают без вести от 70 до 100 тысяч человек... Потери почти такие же, как от печально известного цунами в Индийском океане, только у нас это происходит каждый год. Каждый год пропадает целый город. Больше, чем в ДТП и авиакатастрофах, вместе взятых.

На день Сережиной смерти — 27 февраля 2017 года, в Чистый понедельник, — 203 477 человек нашли друг друга благодаря «Жди меня».

2 581 721 заявка на поиск подана и ждет на сайте программы.

Кушнерев и его команда занимались микрохирургией нашего, всеми саблями XX века изрубленного социума. Сшиванием его разрезанных сосудов поштучно. По капиллярам судеб.

С весны 2014-го Сергей на телевидении не работал. Жил в любимом доме под Москвой. Писал книги. Цикл книг «Мой XX век». По тому на год столетия. С выстраиванием внутренних связей века, логики его взлетов и пропастей. Он успел написать «1900 год» — и издать том в 900 страниц. Работал над томом «1901 год».

Надо собрать сценарии его документальных фильмов конца 1990-х. Надо перечитать сумасшедшую и отчаянно талантливую «Новую ежедневную газету» 1993–1994 гг.: там отпечаток его руки.

Несомненно: тот же отпечаток — на сценариях программ «Сделай шаг», «Другая жизнь», «Завещание XX века», «Невероятные истории про жизнь», «Жди меня».

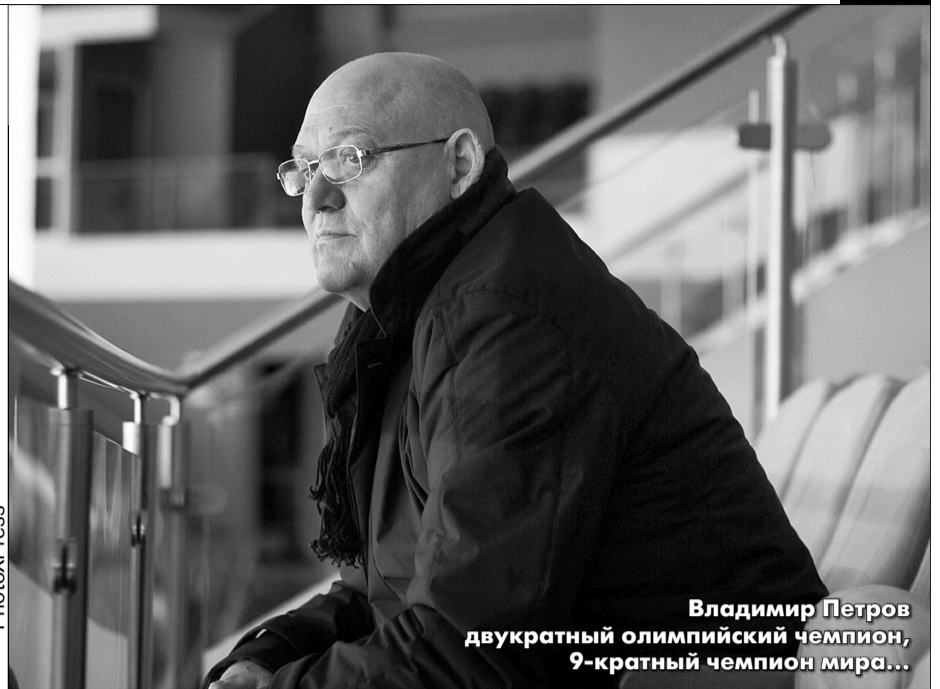
Надо найти эссе, которое он вдруг написал для «Московских новостей»-1995. О рыбной ловле: Сережа ее всегда любил. О ловле с каким-то навороченным, новомодным эхолотом, от которого рыбе не уйти. О том, что эта вечно победоносная ловля не стоит — как оказалось — обычной. С ее неопределенным исходом, с тайной течения, с равноправием рыбы, человека и реки.

Текст был мудрый, как «Ветер в ивах». И по-взрослому грустный.

В конечном счете — был он написан о том, что от судеб защиты нет.

Елена ДЪЯКОВА,
обозреватель «Новой»

PhotoXPress



Владимир Петров
двукратный олимпийский чемпион,
9-кратный чемпион мира...

Петров первый

Не стало Владимира Петрова — легендарного центрфорварда легендарной тройки Михайлов — Петров — Харламов

До своего 70-летия он не дожил четырех месяцев, до 50-летия знакомства с закадычным другом Борисом Михайловым — всего месяц.

Великий Петров всегда был чуть в тени своих великих партнеров — они были ярче и колоритнее, каждый по-своему. Но без Петрова ни тот, ни другой не состоялись бы в той степени, в какой состоялись полноценно и драгоценно. И не прожили бы жизнь, может быть, лучшей тройки в истории отечественного хоккея.

У него было лицо римского легионера. На нем не часто отражались эмоции, улыбка была редким явлением — его лицо вполне адекватно отражало внутреннюю сосредоточенность, несуетность и даже некую отстраненность от мира. Эту особенность Владимира Петрова иные принимали за равнодушие, но при внешней флегматичности жить так напряженно и наполненно, как он, могли немногие. Страсти в этой натуре кипели нешуточные, но не показные.

Те, кто видел игру знаменитой армейской тройки воочию, а не в качестве ретро, не в последнюю очередь помнят исходившую от центрфорварда невероятную уверенность. Вкупе с уникальными достоинствами диспетчера и снайпера это цементировало игру едва ли не лучшего звена мирового хоккея 70-х годов, резче и объемнее оттеняло качества его потрясающих партнеров — неумного бойца и бомбардира Бориса Михайлова и неподражаемого Валерия Харламова.

Отсутствие ревности по отношению к друзьям было у него абсолютное — как и у них к нему, когда Петров, случалось, выходил на первый план. Как на чемпионате мира-1973 в Москве, когда на счету Владимира Петрова оказалось невероятных 18 заброшенных шайб, а на счету уникального результата сборной СССР.

О спорах Петрова с самим Анатолием Тарасовым складывались легенды — тут коса порой находила на камень, но Тарасов за вездливость и упрямство подопечного не гнобил, он его понимал и ценил за главное. С Виктором Тихоновым ближе к закату карьеры спорить было бесполезно даже Петрову. Гибель Харламова оставила их с Михайловым вдвоем. Они еще поработали вместе в Ленинграде, дальше каждый шел своей дорогой.

Петров вполне состоялся как незаурядный функционер, при том что о годах руководства российским хоккеем вспоминать не любил. А пришлось его недолгое президентство на начало 90-х, и это были самые трудные годы для оказавшейся на краю пропасти любимой игры. Хоккею грозило то, что стало с государством, одним из символов которого он еще недавно был, и Владимир Петров делал все, чтобы сохранить живую жизнь игры. Ошибаясь, преодолевая, борясь, выстраивая перспективу. Наносное ушло, наработки даром не пропали, он их отдал и продолжал отдавать до самого конца.

Он жил в хоккее в разных качествах и должностях. Об одной стороне его жизни знают мало, а он считал свою деятельность в документальном кино одной из главных. Когда мы с ним, сидя в гостиничном номере в Казани, попытались подсчитать количество лент, к созданию которых Владимир Владимирович имел непосредственное отношение, получилось больше двух десятков. И начинал Петров продюсировать и продвигать фильмы еще тогда, когда никому, включая хоккейных начальников, дела до памяти о том хоккее и его людях не было. Он спасал хоккей от забвения, понимая, как легко можно потерять и утратить самое важное.

Сейчас не могу точно вспомнить, есть ли фильм о нем самом.

Но в памяти нашей останется именно как Петров первый.

Владимир МОЗГОВОЙ,
обозреватель «Новой»

«...За темным каналом — это и была Пряжка — подымались стапеля судостроительных заводов, трубы, думы, закопченные фабричные корпусы. Я знал, что окна квартиры Блока выходили на запад, на этот заводской пейзаж, на взморье. Мы вышли на Пряжку, и я тотчас увидел за низкими каменными строениями единственный большой дом — кирпичный и очень обыкновенный.

Это был дом Блока.
— Ну вот, мы и пришли, — сказал я своей спутнице».

Константин Паустовский

Офицерская улица — нынешняя Декабристов — упирается в Пряжку как-то неожиданно; только что широкая и оживленная, она как будто ожидает площади в конце — но, подходя к концу, все, что видит прохожий, — это коротенький чахлый бульвар, а за ним пустынная набережная узкой речки и мостик со смешным названием Банный. Впереди и налево — стапеля Адмиралтейских верфей, за мостом — автозаправка, похожая на какой-то позабытый в глуши космический корабль из романов Лема, а позади и направо большая угловая дом. Из тех, какие любили строить на петербургских каналах: кровли, врезающиеся углом в небо, как корабли. Этот резкий архитектурный жест, эта типично петербургская независимость; но здесь, кажется, некому его оценить: прохожего можно увидеть дай бог раз в десять минут, и ему явно не до архитектуры. Пустынное, стильное место, замерзшая Пряжка, загибающаяся вдаль в никуда. Здесь пусто так, что даже голуби немедленно окружают того, кто замедлит шаг на бульваре; они топчутся у ног, глядя выжидательно и недоверчиво. «Живи еще хоть четверть века — все будет так. Исхода нет», — написано на стеклах окон первого этажа. Это дом Блока. Офицерская, 57. В 2021 году исполнится сто лет, как автор «Двенадцати» умер здесь, «уплотненный» революцией в квартире номер 23.

«Я пришла к поэту в гости.
Ровно в полдень. Воскресенье».
Анна Ахматова

Странной жизнью живет нынче дом Блока — романтическое место, куда юная спутница Паустовского приходила проливать слезы о величии поэта; странное, если не сказать больше. Что-то гоголевское, как нарыв, вошло в судьбу легендарного дома; впрочем, все это тоже чисто петербургские гримасы. Входишь с набережной под арку, опутанную проводами: ничто не нарушает тишины. Во дворе обязательная детская горка, на которой никогда никто не катается. Вторая арка, третья; под водосточной трубой пустая бутылка из-под сомнительного напитка под названием «Калина красная»; под черной плесенью — рисунки мелом — примитивистский букет и телефончики. Художники Дима и Геннадий желают познакомиться. Но третий двор загибается и выводит снова в первый: и здесь, у еще одной арки, остались следы другого «музея». Стальные двери в опечатанный подвал пробиты пулями изнутри. Рядом — заложненное досками полуподвальное окошко хранит следы пожара или взрыва. «Одна мне осталась надежда: посмотреть в колодезь двора», — писал Блок, глядя с четвертого этажа, из спальни Любви Дмитриевны; он смотрел именно в это самое место, именно в эту самую подворотню. «Ты спишь, а на улице тихо, и я умираю с тоски, и злое, голодное Лихо упорно стучится в виски».

«Нет, мы ничего про них не знаем. Они сами по себе, мы сами по себе. Когда они открылись, то да, к нам много людей шло, все спрашивали, где тут «музей Но-

вороссии». А сейчас нет», — рассказывает смотрительница в Музее Блока. «Ну, знаете... Я там не была. Как-то интереса у меня нет, — вступает другая. — Там рядом сотрудница наша живет, говорит, что наркоманы и прочее — а с другой стороны, где их нет? И вообще музей закрыт, я слышала. Стреляли? В полицейского?? Что вы говорите; нет, мы ничего про это не знаем».

Уютная кафешка в соседнем доме: милая официантка, морковный пирог, правильный двойной эспрессо со стаканом воды. «Я слышала об этом, мы же тут постоянно работаем, я и сама живу недалеко. Был момент, когда они к нам почему-то начали ходить. С девочками нашими пытались познакомиться, но никого это не интересовало — они и перестали. Что за люди? Не то чтобы пугающие, но... к нам это отношения не имеет, и они к нам не вязались, — с лица девушки за стойкой не сходит брезгливое выражение. — Их пытаются постоянно закрыть, потом они открываются, потом снова закрываются. Какая-то темная, странная история, не знаю, чем они там занимаются».

«Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем».
Александр Блок

Скандално известный «музей» поселился в подвале дома 57 в мае 2015 года; на «патриотической волне», поднятой в обществе из-за конфликта в Донбассе, появление подобного места «боевой славы» было в определенных кругах воспринято с неподдельным восторгом. И даже оксюморонное официальное название — «информационно-культурный центр «Мир войны» — никого не смутило. Однако шло время, патриотическая риторика слегка выдохлась, и о «музее» стали говорить по совсем иным поводам.



Третий двор загибается и выводит снова в первый: и здесь, у еще одной арки, остались следы «музея»

В мае 2016 года его попытались спалить. Кто-то положил тряпку с горючим веществом на окно и поджег ее. Волонтер, дежуривший в ту ночь в музее, не смог потушить огонь даже при помощи двух огнетушителей. Следы пожара видны до сих пор.

В декабре 2016 года «музей» попал в новостные сводки в связи со взрывом на Кантемировской улице, где пожилой женщине оторвало ногу. Следователи в сопровождении спецназа ФСБ, расследывая это дело, добрались до Декабристов, 57. Как рассказывал тогда один из основателей «Мира войны» Герман Владимиров (именно он отвечает на телефонные звонки, следствием был «учинен изрядный беспорядок», но изъяты только электронные носители информации.

На патриотических сайтах забили тревогу. Информационное агентство «Антифашист» рапортовало, что в отсутствие директора сотрудники ФСБ взяли народный музей штурмом, выпилив железную дверь, а изъятое имущество так и не вернули.

К началу 2017 года стало ясно, что «Мир войны» доживает в доме Блока последние дни. «17 января 2017 года основатель и директор музея Герман Владимиров был вызван в прокуратуру, где интересовались законностью использования помещения, финансовой деятельностью и отношениями с властью. Хотя слухи о том, что одиозный музей подыскивает себе новое место, курсировали больше года.

«ВСЁ РАВНО, ТЕБЯ ДОБУДУ,
ЛУЧШЕ СДАЙСЯ МНЕ ЖИВЬЕМ!
— ЭЙ, ТОВАРИЩ, БУДЕТ ХУДО,
ВЫХОДИ, СТРЕЛЯТЬ НАЧНЕМ!»
Александр Блок

Час икс наступил для «музея Новороссии» месяц назад. Следственное управление СКР по Петербургу сообщило о массовой драке, случившейся в подворотне дома № 57 в ночь на 28 января: при задержании один из хулиганов стал отстреливаться карточью и ранил полицейского, другие

«Мир войны» приказал долго жить

Из бывшего музея вывезли даже кафель. За простреленной дверью нет электричества, тьма, как в гробу, холод и запах мерзлой земли



Так выглядел музей сразу после разгрома

« Галина Федоровна — женщина противоречивая и сложная: почти как прически, которые она делает: невероятные сооружения в виде мотоциклов, саксофонов и ангелов с крыльями »



Галина Федоровна Пучнина

убежали и забаррикадировались в «музее». Полиции пришлось брать подвал штурмом. Стрелявший был задержан, возбуждено уголовное дело о посягательстве на жизнь сотрудника полиции, подозреваемому грозит до 20 лет.

Уже на следующий день дверь в подвал была опечатана, вывеска уничтожена, экспозиция разгромлена.

«Закрыт музей. Это не телефонный разговор, сейчас идет следствие. Была провокация, — рассказал Герман Владимиров «Новой». — Губернатор нам выделил новое помещение, а другие люди не могут поставить подпись одну. Конечно, мы в любом случае переждем. Пока я не могу сказать, на улице КИМа, там, на Васильевском... не скажу пока. Там будет историко-культурный центр. Последнюю подпись поставят — будем переезжать, но пока ее нет».

По словам Владимирова, из подвала вывезли 11 машин «экспонатов», в том числе «папаху Моторолы» (убитого 16 сентября 2016 г. донбасского сепаратиста Арсена Павлова), которая в октябре прошлого года тоже фигурировала в новостных сводках. «Экспонат передали в дар музею преемник командира батальона Воха и боец «Спарты» Матрос», — сообщил тогда Life.ru. «Все экспонаты на месте, и папаху Моторолы — все есть. Сложно сказать, повредили что-то или нет, время на сборы было очень маленькое, мы должны были все быстро упаковать и уехать, — заявил Владимиров в беседе с «Новой». — И мы собрали 11 машин и уехали».

Судя по всему, Владимиров возлагает надежды на патриотическую организацию, возглавляемую экс-депутатом ЗакСа от КПРФ, деканом факультета социальных наук РПГУ имени Герцена Алексеем Воронцовым. Организация именуется себя «Всероссийское Созидательное движение «Русский лад». Воронцов подтвердил, что ждет от КУГИ разрешения на предоставление помещения под «историко-культурный центр» на Васильевском острове. Однако «музею Новороссии» ждать от Воронцова нечего: экс-депутата смущает его криминальный след: «Все время у них то одно, то другое, то третье... Неприятные случаи. А сама идея создания музея Донбасса — Луганска — она неплохая. Но с Германом я пока контакты не поддерживаю. После этих телепередач немножко противно стало».

Жители дома № 57 разошлись во мнениях по поводу скандала. «Их да, поджигали когда-то. Они говорят, что навики. Но кто это докажет? Кто-то лозунги кричал, что ли? — рассказали «Новой» в местной ЖКС. — В четыре утра не надо ходить за сигаретами и лишний провоцировать конфликт. Купи сигареты днем, а не в четыре утра».

«Я тут недавно живу. Сначала идея-то была хорошая, и они подписи собирали у жильцов. Где-то листа три было подписей. Пока инцидента этого не было, люди были не против, — женщина в хо-

рошем меховом пальто беседует со мной за столиком кафе. — Естественно, что все за русский мир и все сочувствуют Донбассу. Но вы тогда там воюйте, а тут ведите себя нормально. Тем более если ночью пьяные работают. Я ничью сторону не поддерживаю. Мне надо, чтоб в доме было тихо».

«У нас есть такая председатель домового комитета 57-го дома, Галина Пучнина, — так вот она изначально яростно добивалась, чтоб этот музей открыли, — доверительно рассказывает мне во дворе интеллигентного, но пьющего вида мужчины. — А потом они поссорились, и она начала добиваться их закрытия. А они начали про нее гадости писать. Поди пойми эти их разногласия».

«Розы — СТРАШЕН МНЕ ЦВЕТ ЭТИХ РОЗ,
ЭТО — РЫЖАЯ НОЧЬ ТВОИХ КОС?
ЭТО — МУЗЫКА ТАЙНЫХ ИЗМЕН?
ЭТО — СЕРДЦЕ В ПЛЕНУ У КАРМЕН?»

Александр Блок

Рядом с дверью в Музей Блока горит синими неоновыми буквами вывеска Русской школы парикмахерского искусства: именно тут и работает парикмахер Галина Федоровна Пучнина, глава благотворительной организации «Наше отечество» и владелица подвальных помещений в доме № 57.

Все в Галине Федоровне ярко, темпераментно и буйно — быть может, слишком, быть может, не по-петербургски преувеличенно. Гоголь, может быть, и сумел бы передать очарование этой приятной во всех отношениях дамы. Галина Федоровна — женщина противоречивая и сложная: почти как прически, которые она делает: невероятные сооружения в виде мотоциклов, саксофонов, футбольных мячей и ангелов с крыльями («знаете, у меня только сыновья и внуки, а всегда хотелось девочкам косички плести»). «Ангел мой, приходите к десяти», — договаривается она по телефону, но, встречая корреспондента, явно не может справиться со своей мягкотейшей натурой. «Я уже боюсь давать интервью. Уже приходили ко мне из противороссийских этих... и потом все про меня перековеркивали», — признается она. Галина Федоровна то и дело сверлит меня взглядом, сомневается, пытается раскусить. «Я понимаю, почему вы пришли и к чему вы клоните, — переживает она. — Я не даю интервью, вы меня просто подкупили своей обаятельностью».

В Прощеное воскресенье Галине Федоровне звонят ветераны и блокадники из подшефных организаций, которым она помогает. «Светочка, ангел мой, перезвони. Ну прости меня, Светочка. Я тебя прошаяю». Но звонки не прекращаются. «Что, вас осенили новые стихи? — в трубке звучит мужской голос. — А, ну простите меня тоже. Вы в стихах? «Прости меня за слезы»... стихи как всегда великолепные. Люди были довольны, что получили кофе?»

Галина Федоровна — «мастер золотые руки» и «кормилица России»: у нее и правда есть такой сертификат. Сертификатами, дипломами и грамотами увешаны чуть ли не все стены ее кабинета и все коридоры парикмахерской. Эмоционально рассказывая про конфликт с «музеем Новороссии», она крестится («я клянусь перед самым святым человеком!») на большую, в рамочке, грамоту от митрополита Варсонофия. Тут же висят благодарности от спикера ЗакСа, от администрации Адмиралтейского района. На стенах почти нет свободного места.

Над головой Галины Федоровны такой же преувеличенно яркий, синтетической расцветки, Иисус Христос; под иконой маленький подвешанный георгиевской ленточкой портрет Сталина. «Это мне приятельница подарила. Он немножко похож на моего мужа», — рассказывает она. Несоответствие этих двух изображений ее, похоже, не смущает; и все-то у Галины Федоровны горит в руках, все-то спорится, везде хорошие знакомые, правильные связи и налаженные дела. «Мне и в администрации района сказали: ну что же вы, Галина Федоровна? Чуяло мое сердце, что нельзя было связываться, что они не из тех, за кого себя выдают, — роняет она и тут же спохватывается. — Мы с ними начали хорошо. Я ничего не хочу на эти вопросы отвечать. Все, моя дорогая, вопрос у нас с вами закончен».

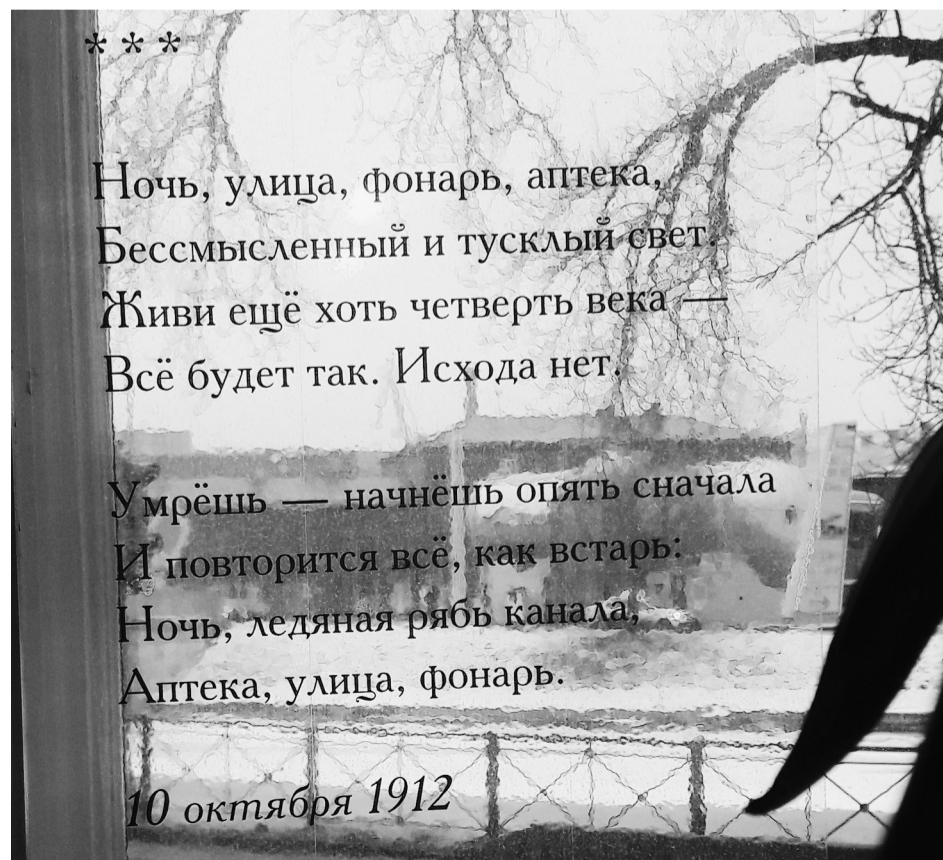
После этого еще минут сорок она рассказывает, какого натерпелась страху:

как ей угрожали, как пытались устроить рейдерский захват, как везли из Донбасса оружие... В потоке слов семидесятилетней Галины Федоровны правду от вымысла отделить трудно. Но по-человечески ее искренне жаль. «У меня два недееспособных мужчины дома. Мой брат, без ноги, и бывший муж. Привезла к себе, обиходила, сейчас зубы вставляю. Сынуля мой старшенький имеет орден Мужества. И младшенький хороший, если бы не он, я бы сдала, наверно».

Растаяв и доверившись, великолепная в своей щедрости Галина Федоровна берет ключи и идет показать мне разгромленный подвал, оставшийся после бегства «музея Новороссии». По ее словам, из помещения вывезли «даже кафель». Электричества нет; за простреленной дверью, как в гробу, тьма, холод и запах мерзлой земли. На лице Галины Федоровны внезапно проступает возраст. Мы прощаемся; и последнее, что звучит у меня в голове после этого разговора, — ее рассказ про детские носочки: «Сказала своим бабушкам — надо носочки на детский дом связать. Так мне триста штук навязали! Триста!»

Галина Федоровна, когда говорит про детские носочки, а не про снаряды, автоматы и киевскую хунту, поистине прекрасна.

Татьяна РАМЗАЕВА, фото автора





ВИКТОР БОГОРАД, CARTOONBANK.RU

Виктор Богорад

Церковный ПОДХОД

РПЦ демонстрирует отменный аппетит, поглощая все новые объекты недвижимости. Но брать на себя ответственность за сохранение полученных памятников не торопится, пытаясь выторговать для себя «особые условия»

И чиновники, и церковники успокаивают горожан тем, что при передаче Исаакиевского собора с РПЦ будут заключены очень жесткие охранные обязательства, нарушение которых чревато расторжением договора. Однако на практике выходит иначе: епархию приходится через суд понуждать заключить охранные обязательства и исполнять его требования.

Так, КГИОП несколько лет не мог добиться заключения охранных обязательств в отношении памятника федерального значения «Дом церковный» (конец XVIII в., Камская ул., 16, лит. Б), переданный в безвозмездное пользование петербургской епархии еще в 1999 году. Получив подготовленный комитетом документ, поль-

зователь вернул его, приложив свой «протокол разногласий».

Пункт о необходимости обеспечивать уборку прилегающей территории (всего-то десять метров от обреза фундамента) епархия дополняла фразой — «при условии, если территория передана в пользование». К обязательству выполнять за счет пользователя работы по сохранению памятника приписывала — «также за счет бюджетных средств». Требование исполнять предписания органов охраны в установленные сроки снабжала лазейкой, позволяющей уйти от ответственности «в случае отсутствия или недостаточного объема денежных средств». Восстанавливать за свой счет архитектурно-художественные наружные элементы и детали интерьера епархия соглашалась лишь в тех случаях, когда «компетентный орган» докажет, что их утрата или повреждение произошли по вине пользователя. Предусмотренные в типовом охранным

договоре размеры штрафов урезались ею в разы: например, за несогласованные работы и изменение предмета охраны взыскивать не 100 тыс. руб., а 50 тысяч. А целый ряд позиций попросту исключить — касающихся обязанности содержать здание-памятник в исправном техническом состоянии, своевременно принимать меры для противодействия его разрушению и др.

Вымарывался и пункт, предусматривающий ответственность пользователя за «необеспечение доступа граждан в помещения памятника, интерьеры которых являются предметом охраны» — неплохая иллюстрация к нынешним заверениям о том, что с передачей Исаакиевского собора РПЦ он «станет еще доступнее».

Суд, рассмотрев заявление КГИОП о понуждении епархии заключить охранные обязательства, вынужден был напомнить ответчику, что закон возлагает на пользователя все бремя ответственности по обеспечению сохранности па-

« Впрочем, наличие заключенного с РПЦ охранных обязательств вовсе не означает его исполнения »»

мятника, его содержанию и содержанию прилегающей территории. И что такие требования были прописаны еще в заключенном с епархией договоре о предоставлении объекта в безвозмездное пользование.

Суд констатировал, что предложенная епархией редакция охранных обязательств «создает ситуацию, при которой ответчик снимает с себя ответственность за невыполнение предписанных работ, формально указав на отсутствие денежных средств» — тогда как предложенный КГИОП вариант как раз «побудит ответчика учитывать соответствующие средства при планировании будущих расходов».

Епархия настаивала, что религиозная организация имеет право на «особые условия» при заключении охранных обязательств, и размеры налагаемых на нее штрафов должны быть ниже применяемых к прочим пользователям.

Однако суд эти доводы не принял, определив, что такой подход «препятствует реализации одной из основных целей государственной охраны объектов культурного наследия», а именно — «предотвращению действий, способных причинить вред памятнику». И указал, что охранные-арендные договоры должны заключаться с религиозными организациями на общих основаниях. Исковые требования КГИОП были удовлетворены в полном объеме.

Впрочем, наличие заключенного с РПЦ охранных обязательств вовсе не означает его исполнения.

Например, еще в 2002 году было заключено охранные обязательства в отношении переданных РПЦ памятников федерального значения «Церковь апостолов Петра и Павла» и «Склеп Адольфа» (Парголово, Шуваловский парк, 41, лит. А и Б). Пользователю предписывалось выполнить обследование несущих конструкций, разработать документацию на противоаварийные, ремонтно-реставрационные работы и провести их до 01.10.2008. Но по состоянию на конец октября 2012-го, как следовало из акта проверки, пользователь «к выполнению указанных работ не приступил» и даже еще не разработал и не согласовал с комитетом проектную документацию.

Суд обязал их исполнить — отведя на то еще три года. КГИОП настаивал на штрафе в 70 тыс. рублей, однако пропустил срок исковой давности. Так что в итоге епархия и копеей не заплатила за то, что в течение десяти лет не исполняла требований охранных обязательств. И занятая РПЦ позиция, когда она пытается выторговать для себя особые условия и свести к минимуму ответственность за предоставленные ей памятники, не прибавляет уверенности в том, что в случае передачи ей Исаакиевского собора за него можно не тревожиться.

Татьяна ЛИХАНОВА

Хорошим тоном считается поругивать оскаровский пасьянс независимо от результатов. В этом сезоне при явном численном отрыве «Ла-Ла-Ленда» от конкурентов (со своими 14 номинациями фильм догнал «Титаник» и драму о бродвейских звездах «Все о Еве») среди экспертов не было единого мнения — действительно ли ностальгический мюзикл Дэмиена Шазелла лучше других картин года. Но то, что это самая обсуждаемая, самая спорная работа сезона, — точно.

И «Оскар» поставил жирный восклицательный... вопрос, подводя итог дискуссиям. Возможно, главная проблема нынешнего «Оскара» в том, что не было фильма, превосходящего другие на голову. Поэтому сработало два фактора. Показательная политкорректность (иначе не видать бы главной золотой статуэтки черной гей-драме «Лунный свет»). И закон больших чисел при голосовании. Нам может нравиться или не нравиться выбор академиков точно так же, как нам может нравиться или не нравиться выбор американцев президента. Но таков итог демократического голосования. Это в других, более «просвещенных странах» итоги кинопремий может проконтролировать их хозяин.

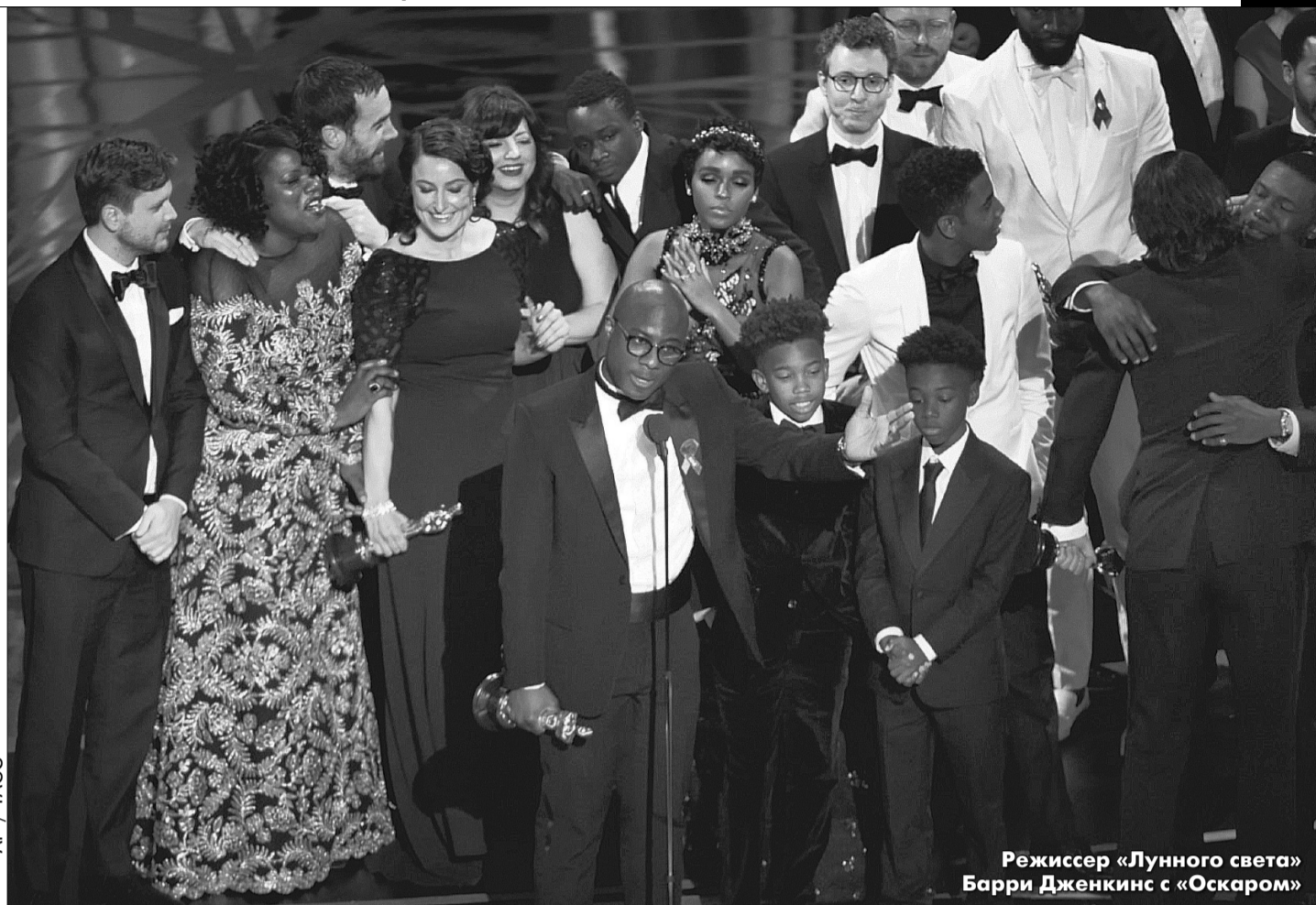
Мультикультуризм форева

В прошлом году Киноакадемия не выдвинула в номинанты чернокожих кинематографистов, получив шквал обвинений в скрытом расизме. «Оскар» даже призывали бойкотировать режиссер Спайк Ли и актриса Джада Пинкетт, прославившаяся ролями в «Матрице...» и замужеством за Уиллом Смитом. В этом году Киноакадемия семимильными шагами наверстывает упущенное: на награды в разных категориях претендовали шесть афроамериканских актеров и актрис — исторический рекорд «Оскара». Поэтому не удивительна победа Вайолы Дэвис из «Оград» — старомодной театральной мелодрамы, поставленной Дензелом Вашингтоном и номинированной в четырех категориях. Ради справедливости скажем, что роль действительно сыграна отменно, недаром актриса играла ее на сцене и даже была удостоена премии «Тони».

А в мужской номинации основное соперничество развернулось между вечным Дензелом Вашингтоном и Кейси Аффлеком. Любопытно, что оба актера сыграли мусорщиков, возведших символические ограды между собой и внешним миром, между жизнью и смертью. Однако Аффлеку при внешней сдержанности, даже заморозженности своего героя, живущего после чудовишной трагедии на чистом автоматизме, — удалось нечто невероятное. Без надрыва и мелодраматичности показать сломанного, изъеденного изнутри человека. Спрятать в замершем лице, в потухших глазах боль и... едва-едва приметный в финале проблеск надежды. Стоит ли говорить, что я болела за него и аплодировала его победе.

Победа «Манчестера у моря» в номинации «Оригинальный сценарий», наверное, — одна из самых справедливых. Фильм идет сейчас на наших экранах, и вы можете убедиться в том, что драматург и многократный оскаровский номинант Кеннет Лонерган заслуживает награды.

А вот за адаптированный сценарий статуэтку получил «Лунный свет». Заранее было понятно, что главным конкурентом «Ла-Ла-Ленда» в категории «Лучший фильм» будет не «Манчестер у моря» — скромная и мощная в своем трагизме драма, — а «Лунный свет» Барри Дженкинса. Тонко и поэтично, с точки зрения режиссуры, сделанная, визуальное



Режиссер «Лунного света»
Барри Дженкинс с «Оскаром»

City of Stars: Черно-белое кино

«Оскар» назвал лауреатов. Сначала ошибочно

изысканная история одной самоидентификации. Чернокожий гей Хирон — сначала ребенок, затем подросток и наконец — взрослый, угнетаемый согражданами всех возрастов в наркоманском районе Майами, обнаруживает и осознает свою сексуальность и нетрадиционную ориентацию. Прочность жизни вообще и «особенных» — в частности. Хотя, как сказано в фильме, «В лунном свете все черные парни кажутся голубыми».

не пустили в США. Несмотря на то что его фильм номинируется на «Оскар» и у него есть виза. А иранский режиссер «Коммивояжера» Асгар Фархади сам отказался ехать на церемонию, даже если запрет снимут лично для него. «Коммивояжер» назван лучшим в категории «Лучший фильм на иностранном языке». Фархади поручил получить ожидаемую награду ирано-американкам Ануше Ансари — первой женщине, ставшей космическим туристом, и Фирузе

Уже на красной дорожке по крикам фото- и видеожурналистов было очевидно, что Эмма Стоун в чем-то сверхнежном телесно-золотистом — героиня вечера. Получая приз, она продолжила тему вечера: «За главные роли наградили белых актеров, а черных — за роли второго плана. Нет ли здесь расизма?» Она еще не знала, что черно-белую партию «Оскар» разыграет по-своему.

Многими экспертами было отмечено, что нынешний «Оскар» заметно помолодел.

«Голливудская семья» привлекает молодых: Дэмиену Шазеллу немногим больше 30 (он самый молодой оскароносный режиссер), Барри Дженкинсу, Райну Гослингу нет и 40, Эмме Стоун — 29. Возможно, академиком хотелось поощрить не столько опыт — какая может быть конкуренция с виртуозной работой Изабель Юппер в фильме «Она» Верховена (очень хотелось, чтобы именно эта роль была отмечена) или у оскаровской рекордсменки Мерил Стрип, — сколько свежесть, весну. Особенно на фоне дискриминационных, политических проблем, захлестнувших мир и главную премию мира в том числе.

Лариса МАЛЮКОВА, «Новая»

« Нам может нравиться или не нравиться выбор академиков, точно так же, как нам может нравиться или не нравиться выбор американцев президента. Но таков итог демократического голосования »

Ошибочка вышла

Кульминация вечера, его главный сюрприз случился в финале: Уоррен Битти объявил «Ла-Ла-Ленд» победителем, и вся нарядная «белая группа» под музыку «City of Stars» поднялась на сцену за вождя статуэткой. И только потом Битти... обнаружил ошибку. Он вроде бы перепутал конверты и... поправился. Победителем назван «Лунный свет». И тогда на смену «белой» — на сцену вышла «черная группа». В нынешнем голливудском кино возможен подобный финал.

Как и в прошлом году, «Оскар» не обошелся без скандалов и бойкотов. Дональд Трамп подписал указ, ограничивающий въезд в страну жителям ряда стран, после чего сирийского оператора фильма «Белые каски» Халеда Хатиба

Надери, бывшему директору НАСА. В своем послании режиссер выразил возмущение трамповским антииммиграционным законом: «Деление мира на «нас» и «наших врагов» порождает страх, порождает агрессию и войны».

Кстати, Дональд Трамп объявил, что смотреть оскаровскую церемонию не будет и другим не советует. Война между президентом и «голливудской семьей» продолжается. И имя президента прямо или косвенно на протяжении церемонии неоднократно упоминалось. Ведущий актер Джимми Киммел поблагодарил президента США за то, что сейчас уже никто не вспоминает, что всего лишь год назад главной проблемой «Оскара» был вопрос: нет ли расизма в выборе академиков?

P.S. В этом году, как и в прошлом, Россия отказалась от прямой трансляции церемонии главной кинопремии. Возможно, решение это принято в связи с непредсказуемостью политических высказываний, которыми отличается «Оскар» — премия, позволяющая себе нелестные отношения с властью.

Ледовое позорище

Как в Архангельске похоронили русский хоккей

После того, что случилось в Архангельске в прошедшее воскресенье, хоккей с мячом язык не повернется назвать русским. Он таким был, да весь вышел. Если две команды совокупными усилиями забивают 20 мячей в свои ворота, то это или издевательство, или цинизм, или болезнь, или все вместе.

«Водник» и иркутская «Байкал-Энергия» играли матч последнего тура на первенство водокачки, а в чемпионате суперлиги. Купившие билеты зрители, пусть и в небольшом количестве, тоже были. Архангельск все-таки — одна из бывших столиц хоккея с мячом, легендарный «Водник» — 9-кратный чемпион России. «Байкал-Энергия» — действующий вице-чемпион.

От матча если что и зависело, то исключительно место хозяев перед плей-офф. «Водник» хотел остаться шестым, чтобы не попасть на действующего чемпиона — красноярский «Енисей». То есть ему надо было проиграть, что, в принципе, не хлопотно. Ситуация в любом командном виде спорта не новая, тысячекратно пройденная с разной степенью цинизма и последующего публичного эффекта. Уличить в злонамеренности трудно, наказать практически невозможно.

Но довольно быстро выяснилось, что гости тоже не хотят выигрывать, хотя видимых причин для этого у «Байкала-Энергии» не имелось — их второму месту ничто не угрожало. Так команды вяло катали оранжевый мячик до 68-й минуты, пока у хозяев не кончилось терпение и они не взялись за дело сами. Вернее, взялся один форвард Олег Пивоваров, который в течение нескольких минут трижды поразил... собственные ворота.

Судьи добросовестно зафиксировали очередное «взятие», главный тренер «Байкала-Энергии» Евгений Ерахтин взял тайм-аут, после чего его подопечные ответили в кубе, забив в свои ворота девять (!) раз подряд. Как ни пытались хозяева защитить чужие ворота (!), ничего не вышло. Но у «Водника» оставался резерв «в нападении» — Пивоваров закатил в свои ворота еще восемь мячей. Свидетелей его триумфа на стадионе почти не осталось. Финальный свисток зафиксировал победу гостей со счетом 11:9, «Водник» своего добился, но небывалый



Петр САРХАНОВ — «Новая»

скандал был неизбежен. На следующий день сюжетом о «матче века» открылась программа «Время» на Первом канале, чего удаивались немногие события в спортивном мире.

Сгоняли бы нормальный договорняк, простимулировали бы слегка гостей — никто и слова бы не сказал. Но то ли не договорились, то ли дело тут не только в противоположных тактических планах. Главные тренеры пролепетали что-то на пресс-конференции, комментарии клубных пресс-служб ясности не добавили. Гости заявили, что команда поддавалась на провокацию, хозяева намекнули, что поступить так неординарно их вынудила позиция руководства Федерации хоккея с мячом России (ФХМР). Извинения выглядели жалко, обещание «Водника» пускать зрителей на оставшиеся матчи

сезона бесплатно могло вызвать разве что истерический смех.

Спортивные чиновники всех рангов взвились и пригрозили жесточайшими каратами обоим клубам. Предварительным наказанием стало решение аннулировать итог злосчастного матча с мировым рекордом из 20 автоголов, и... переиграть его в ближайшую пятницу в подмосковном Обухове.

Понятно, что в ФХМР тоже перепугались — нарыв вскрылся.

...Хоккей с мячом болен, и давно. Славное прошлое забыто, настоящее печально. Дело совсем не в том, что после нескольких победных лет проиграли чемпионат мира шведам. Соперник у сборной России по существу один — нынче уступили родоначальникам бенди, через год выиграем, ну или снова возь-

мем серебро, делов-то. А вот то, что российское хоккейное пространство скукоживается год от года, популярность вида неуклонно падает, а провинциальность становится вопиющей, общей заботе не способствует, а, наоборот, провоцирует ситуацию вечной свары. По количеству скандалов хоккей с мячом даст фору любому командному виду — другое дело, что они мало кому были интересны за своей удаленностью от мейнстрима.

Противостоянию президента ФХМР Бориса Скрынника и главного тренера «Енисея» Сергея Ломанова лет десять. Скрынник дорос до президента Международной федерации бенди еще раньше, чем занял соответствующий пост в России, но до авторитета последнего гения мирового хоккея с мячом Ломанова-старшего ему так же далеко, как до олимпийского признания своего вида. Скрынник предприимчив и вхож в высокие сферы, Ломанов строптив и независим. Осенью красноярец уничижительно отозвался о новом формате чемпионата суперлиги (по сути претензии справедливы) и за «многочисленные циничные нарушения» получил от ФХМР «корпоративную дисквалификацию» на 2,5 года.

По мнению противников Скрынника, новая система проведения чемпионата стала продолжением политики ФХМР по отношению к неугодным личностям и даже клубам. Сценарий плей-офф, согласно которому не поддерживающий Скрынника «Водник» должен был встретиться с «Енисеем» уже в первом раунде, вроде как был расписан «наверху». «Водник» воспротивился негодным средствам, а лояльный президенту иркутский клуб постарался этому помешать — с помощью того же антихоккея.

Вчера контрольно-дисциплинарный комитет ФХМР вынес вердикт номер два — главные тренеры Игорь Гапанович («Водник») и Евгений Ерахтин («Байкал-Энергия») дисквалифицированы на 2 года и 6 месяцев, клубы оштрафованы на 300 000 рублей каждый. Продолжение обещано, но федерация в стороне.

Проиграли все. О зрителях, естественно, никто и не вспомнил. Их и так даже в самых хоккейных городах за уральским хребтом приходит все меньше. Теперь о том, что болельщиков прибавится, можно забыть надолго, если не навсегда.

Владимир МОЗГОВОЙ,
обозреватель «Новой»

Редакторы номера:
Р. Дубов, А. Полухин

Наш адрес
в интернете:
NovayaGazeta.Ru



РЕДАКЦИЯ
Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)

Редакционная коллегия: Роман АНИН (редактор отдела расследований — «отдел Ю. Щекочиных»), Ольга БОБРОВА (зам главного редактора), Руслан ДУБОВ (зам шеф-редактора, ответственный секретарь), Сергей КОЖЕУРОВ (первый зам главного редактора), Александр ЛЕБЕДЕВ (зам главного редактора), Андрей ЛИПСКИЙ (зам главного редактора), Лариса МАЛЮКОВА, Кирилл МАРТЫНОВ (редактор отдела политики и экономики), Константин ПОЛЕСКОВ (шеф-редактор WEB-редакции), Алексей ПОЛУХИН (шеф-редактор), Георгий РОЗИНСКИЙ (зам главного редактора), Юрий РОСТ (обозреватель), Петр САРУХАНОВ (главный художник), Сергей СОКОЛОВ (зам главного редактора), Ольга ТИМОФЕЕВА (редактор отдела культуры), Олег ХЛЕБНИКОВ (зам главного редактора), Виталий ЯРОШЕВСКИЙ (зам главного редактора, омбудсмен редакции)

www.novayagazeta.spb.ru

www.novayagazeta.ru

Обозреватели и специальные корреспонденты: Юрий БАТУРИН, Анна БЕССАРАБОВА, Борис БРОНШТЕЙН, Борис ВИШНЕВСКИЙ, Ирина ГОРДИЕНКО, Эльвира ГОРЮХИНА, Елена ДЬЯКОВА, Зоя ЕРОШОК, Вячеслав ИЗМАЙЛОВ, Павел КАНЬГИН, Елена КОСТЮЧЕНКО, Юлия ЛАТЫНИНА, Елена МАСЮК, Ирек МУРТАЗИН, Галина МУРСАЛИЕВА, Леонид НИКИТИНСКИЙ, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Алексей ПОЛИКОВСКИЙ, Юлия ПОЛУХИНА, Елена РАЧЕВА, Андрей СУХОТИН, Алексей ТАРАСОВ, Слава ТАРОЩИНА, Марина ТОКАРЕВА, Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР, Вера ЧЕЛИЩЕВА, Наталья ЧЕРНОВА

Ведущие рубрик: Евгений БУНИМОВИЧ, Дмитрий БЫКОВ, Александр ГЕНИС, Павел ГУТИОНТОВ, Юрий РЕВИЧ, Дина РУБИНА, Ким СМЕРНОВ, Артемий ТРОИЦКИЙ, Сергей ЮРСКИЙ

Руководители направлений: Лариса МАЛЮКОВА (кино), Владимир МОЗГОВОЙ (спорт), Елена МИЛАШИНА (спецпроекты — «отдел И. Домникова»), Надежда ПРУСЕНКОВА (пресс-служба)

Собственные корреспонденты: Надежда АНДРЕЕВА (Саратов), Георгий БОРОДЯНСКИЙ (Омск), Татьяна БРИЦКАЯ (Мурманск), Мария ЕПИФАНОВА (страны Балтии и Северной Европы), Иван ЖИЛИН (Крым), Сергей ЗОЛОВКИН (Гамбург), Сергей КУРТ-АДЖИЕВ,

Наталья ФОМИНА (Самара), Виктория МАКАРЕНКО (Ростов-на-Дону), Александр МИНЕЕВ (Брюссель), Ольга МУСАФИРОВА (Киев), Александр ПАНОВ (Вашингтон), Нина ПЕТЛЯНОВА (Санкт-Петербург), Юрий САФРОНОВ (Париж), Ирина ХАЛИП (Минск), Александр ЧУРСИН (Балканы)

Группа выпуска: Юрий КОЗЫРЕВ (директор фотослужбы), Анна АРТЕМЬЕВА, Евгений ФЕЛЬДМАН (фотокорреспондент), Анна ЖАВОРОНKOVA, Алексей КОМАРОВ, Татьяна ПЛОТНИКОВА (билд-редакторы), Оксана МИСИРОВА, Надежда ХРАПОВА, Вероника ЦОЦКО (технические редакторы, дизайн, макет)

WEB-редакция: Сергей ЛИПСКИЙ, Ольга ПРОСВИРОВА, Евгений ШИРЯЕВ

ДИРЕКЦИЯ

Сергей КОЖЕУРОВ (генеральный директор), Владимир ГРИБКОВ (заместитель генерального директора), Светлана БОЧКАЛОВА, Михаил ЗАЙЦЕВ (распространение), Владимир ВАНЯЙКИН (управление делами), Ирина ДРАНKOVA (бухгалтерия), Наталья ЗЫКОВА (персонал), Анжелика ПОЛЯKOVA (реклама), Ярослав КОЖЕУРОВ (юридическая служба), Валерий ШИРЯЕВ (заместитель директора), Сталина УСПЕНСКАЯ (директор по уюту)

РЕДАКЦИЯ НОВОЙ ГАЗЕТЫ В СПБ

Учредитель и издатель: ООО «МЕДИА.С-Пб»
СПб, 11-я линия, 66
Д.Л. КАЧАЛОВА (редактор)

199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66.
ООО «Медиа.С-Пб».
Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:
84804

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 78-01130 от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — 222 250 экз.

Тираж сертифицирован
Novayagazeta.Ru — 7 994 055 просмотров за январь 2017 г.
Тираж одного номера в СПб — 4340 экз.

